

ГРАНИЦА

Эдуард Шауров

ПОДПИСАНИЕ

Эдуард Шауров

Доминирующий вид

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206592
Доминирующий вид / Эдуард Шауров: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-087882-6

Аннотация

На планете Трикетерра нет ничего постоянного. Хищники здесь притворяются травоядными, травоядные – хищниками. В одно мгновение ящерица может стать куском камня, а насекомые – превратиться в летящие пули, пробивающие блистер вертолёт...

Бывший проводник, смотритель маленькой биостанции Джейслав Вагош получает задание: переправить группу исследователей на периферийную базу. Ничего сложного, да и к фокусам местного зверья Джейславу не привыкать.

Но что-то идет не так. Странные и зловещие события происходят одно за другим. Неужели загадочная планета играет с людьми ва-банк?

Или в привычный расклад вмешалась третья, никому не известная сила?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эдуард Шауров

Доминирующий вид

Глава 1

Пришедшее из ниоткуда острое ощущение опасности вдруг окатило спину и затылок кипятком испарины. Джей вывернул штурвал влево, и в следующую секунду стекло фюзеляжа треснуло десятками мутных соцветий, как будто по вертолету плеснуло с оттяжкой летящей картечью. Шлеп... шлеп, шлеп, шлеп! «Шмель», заваливаясь на левый борт, пошел по крутой дуге, и Джея неодолимо потянуло вправо. Весь перекосившись в узком кресле, он изо всех сил вдавил штурвал в приборную панель. Дремавший на заднем сиденье Чак, ошарашенно скуля и цепляясь лапами, пролетел через маленький салон и шмякнулся о прозрачный пузырь дверцы.

– Зараза, – сквозь зубы прошипел Джей, пытаясь выровнять машину.

Двигатели кроссфлая захлебнулись, и «шмель» провалился к пугающе близким пушистым кронам хлыстовника.

– Зараза! – взвыл Джей.

На самый крайний случай оставалась возможность отстрелить покореженный блистер и попытаться выпрыгнуть, благо ранец джета был за спиной, но Чак скулил где-то под задним сиденьем, и Джей, понимавший, что никак не успевает добраться до щенка, изо всех сил рванул штурвал на себя. Двигатели все же заработали, и кроссфлай слишком поздно дернуло вверх. Пушистое одуванчиковое море фиолетово-розовых крон было уже перед самыми глазами, так близко, что делалось нехорошо в животе, но в последний момент Джей все же увидел просвет и бросил машину в спаси тельную брешь.

«Шмеля» болтало, как пьяного матроса в двенадцатибалльный шторм. Рыжие стебли длинных стволов со всех сторон бросались на кабину, норовя сокрушить шпангоуты фюзеляжа. Вертолет по замысловатой спирали падал вниз, пока упругая почва, пронизанная корнями деревьев и ходами насекомых, не ударила по колесам. Кроссфлай подпрыгнул на гидравлических рессорах, приземлился несколько набок, но все уже было позади.

Джей несколько секунд сидел, тупо глядя в расстрелянное лобовое стекло, затем толкнул дверцу. В ушах плыл комариный звон. Ступая по упругой подстилке из зеленого мха, мужчина обошел нос побитого вертолета, который уже начал по инерции убирать лопасти несущих винтов, и поднял дверь пассажирского салона.

Чак до сих пор прятался под сиденьем. Вид у него был виновато-пристыженный.

– Вылезай, заячья душа, – сказал Джей, оставляя дверку открытой, и пошел вокруг кроссфлая.

Стабилизаторы уже почти втянулись, но, судя по всему, они были в относительном порядке, боковые фонари тоже мало пострадали, а вот система охлаждения и воздухозаборники были убиты в хлам, да и лобовой блистер представлял из себя печальное зрелище. Отметины от попаданий живой шрапнели местами сливались в сплошной лунномолочный пейзаж. Джей, наклонившись вперед, двумя пальцами выковырял застрявшую в стекле мертвую колибри. Твердое тяжелое тельце размером с фалангу мизинца легло на ладонь. «Почти пробил стекло», – подумал Джей, трогая пальцем острый носик. Он вытащил из блистера еще двух птиц и опустил крохотные тушки в карман комбинезона.

Если бы скорость кроссфлая была на три десятка километров больше, то маленькие твари непременно прострелили бы противоударное стекло насквозь. Обычно Джей и не летал быстрее двухсот, но сегодня то ли увлекся, то ли задумался, и вот результат.

«Скверно, – подумал Джей. – Вдруг кто-нибудь из купольских разболтает Анне, и Анна будет волноваться, а ей нельзя».

Джей поднял лицо. Вокруг него плыли фиолетовые и розовые парашютики семян. Сбитые воздушными потоками с крон хлыстовника, они медленно падали, наполняя теплый воздух неторопливым пестрым кружением.

Чак наконец решился вылезти из-под сиденья и теперь настороженно принюхивался, поводя острым носом. Где-то неподалеку наверняка гнездились ушастые мыши или другие любители упавших семян, не дающие маленькой поляне моментально зарастить молодыми деревьями.

Джей дунул, отгоняя от лица назойливые пушинки, и осмотрелся кругом. Судя по всему, до купола Свена Соммерса оставалось никак не больше трех-четырех километров. Смешная цифра. Придерживаясь за край кресла, Джей по пояс всунулся в кабину, достал из зажимов короткоствольный штуцер и проверил обе обоймы. Восемь патронов сорок пятого калибра и двенадцать баллистических капсул транквилизатора. Еще две обоймы лежали в карманах комбинезона: Джей всегда был запаслив. До купола идти никак не больше часа, но вблизи обжитых людьми территорий отчего-то всегда полно разной живности, и можно запросто налететь на гризли или комода, причем гораздо скорее, чем в сердце сельвы.

Пальцы сами собой отцепили от пояса син-син. Сигнал был, хотя и слабенький. Джей отключил функции голоэкрана, переключил все резервы на прием, и через несколько секунд удивленный голос Шенье хрипло сказал:

– Алле?

Еще минута ушла на то, чтоб обрадованный Джейслав, продираясь сквозь шорох помех, вкратце описал свою ситуацию. Директор технической службы откашлялся.

– М-да, – сказал он с сомнением. – Где ты, говоришь, сел?

– Примерно в сто шестом. Точнее сказать не могу, – Джей посмотрел на слепые значки в углу экрана, – навигатор оглох. Наверное, опять магнитные смерчи в стратосфере. Да ты не беспокойся, я включу аварийный маяк, и вы достанете машину в два счета.

– Да, – пробормотал Шенье, – достанем, только в два не получится. У нас вся свободная техника в доке. Может быть, пусть Крайц пришлет за тобой своих безопасников?

– Не надо, я сам, – поспешно сказал Джей.

Он не любил ни Крайца, ни его дуболомов, которых потом, чего доброго, самих придется разыскивать по зарослям.

– Не беспокойся, – добавил он. – Мне не в первой.

– Хорошо, – после малюсенькой паузы согласился Шенье. – Я предупрежу Ярича. Только, ради бога, будь аккуратней. Если что, я на связи.

– Лады, – сказал Джей, отключаясь.

Конечно, можно было залезть в «шмеля» и ждать, когда визжащий пилами эвакуатор прорежет тоннель в лабиринте стволов, но Джей Вагош ненавидел ожидания, а дорога через сельву его совершенно не пугала. Он отлично ориентировался в окрестностях станции, а кроме того, обладал врожденным чувством направления.

Джей закинул ремень штуцера на плечо, достал из багажного отделения контейнер для образцов, включил аварийный маячок, запер все дверцы кроссфлая. Чак, до этого нюхавший землю, поднял голову и теперь смотрел на человека внимательными янтарными глазами. Нагнувшись, Джей потрепал щенка по круглым меховым ушам.

– Ну что, зверюга? – сказал он ласково и ободряюще. – Как насчет прогулки по свежему воздуху?

* * *

Господь, если это был он, а не какой-нибудь Великий Койот, состряпал трикстеррианскую сельву так, что двигаться по ней почти всегда приходится практически наобум. И совсем неважно, какая растительность тебя окружает: хлыстовник, баньяны, акации Буше. Деревья растут так плотно, что на десять шагов вперед не видно ничего, кроме сплошного частокола стволов. Прибавьте к этому постоянные перебои в работе спутниковых навигаторов и получите более-менее полную картину.

Поляна с разбитым кроссфлаем осталась далеко позади. Лавируя в лабиринте из гладких, как водопроводная труба, рыжеватых стволов, Джей двигался вперед, внимательно поглядывая по сторонам. Его окружал мягкий стрекот прятавшихся во мху насекомых. Шилоклювки и джутовые феи самозабвенно посвистывали в высоких разноцветных кронах. Пару раз Джею казалось, что он видит тень какой-то крупной твари, идущей параллельным курсом, но Чак, скакавший чуть впереди, не выказывал никакого беспокойства, поэтому Джей убирал ладонь с приклада штуцера, перекладывал громоздкий контейнер из руки в руку и шел дальше.

Он шел, размеренно и неслышно ступая по упругому слою мха, лавируя между деревьями, прислушиваясь. Мысли о недавней аварии еще плыли в голове, но уже прозрачные, неважные и совсем неопасные. Время, как это обычно бывает в лесу, постепенно обретало размеренную, стеклянисто-созерцательную неподвижность. А он шел себе и шел и даже удивился, когда сельва неожиданно кончилась.

В окрестностях станции сельва всегда кончается внезапно. Это производит странноватое впечатление, словно взмах волшебной палочки. Беспросветная стена из тонких, почти прямых восьмидесятиметровых стволов вдруг обрывается, точно срезанная ножом, и перед зрителем распаивается хрустальная синь неба Трикстерры.

Джей и Чак, задрав головы, остановились на самом краю леса. Над ними сияло обычно невидимое снизу небо, перед ними лежала гладкая, как стол, выжженная пустошь кольцевой зоны, а еще дальше серо-стальной горой вздымалась громада купола, собранная из бронированного стекла и керамометалла, десятиэтажная монументальная черепаха, придавившая плоским брюхом восемь с половиной акров почвы чужой планеты, вычищенной, выхолощенной и антисептированной. Оплот и бастион. Альфа и омега.

По просторной полосе ничейной земли, между лесом и куполом, тупо и монотонно полз широкополосный «бобер», подчищая молодую поросль хлыстовника. Над «бобром» неторопливо кружились иссиня-черные сороки, лениво взмахивая изогнутыми перепончатыми крыльями. «Интересное дело», – подумал Джей, разглядывая широкую, не очень чистую корму харвестера.

Он поманил щенка и зашагал через нейтралку к торчащей из черепашьего бока ребристой полубочке ангара, напоминавшей то ли лапу, то ли морщинистую шею. Под рубчатymi подошвами сухо захрустела серая труха. Сходство с пепелищем было бы полным, взлетай при каждом шаге из-под ботинок угольное облачко. Но труха не пылила, зато вокруг ступающей ноги все явственнее начали разбегаться бледно-зеленые, с изумрудным отливом круги, будто идти приходилось по диковинной серой воде. Чак гадливо задирал лапы. От разбегающихся зеленых кругов чуть плыла голова. Это походило на какой-нибудь танцевальный аттракцион в цифровом клубе. Круги множились, интерферировали, становились все явственнее, и теперь глаза Джея уже хорошо разбирали полупрозрачные изумрудные спинки насекомых, опрометью разбежавшихся из-под его ботинок. Со смутным удивлением он в который раз отмечал, что муравьев вокруг купола с каждым годом становится все больше, и это не глядя на все старания службы биологической безопасности. Отчего-то именно в

окрестностях станции зелененькие насекомые плодились с пугающим энтузиазмом, словно у них не было естественных врагов. Даже по металлическому пандусу, ведущему к воротам входного шлюза, всюду дефилировали маленькие стекляннстые восьминожки.

Непроизвольно качая головой от такого безобразия, Джей поднялся по рифленой поверхности и прижал ладонь к сенсорной панели опознавателя.

– Джейслав Вагош, вы опознаны, – проговорил микродинамик. – Каким санитарным шлюзом желаете воспользоваться: главным, малым или вспомогательным?

– Малым, – сказал Джей, нагибаясь и предусмотрительно беря Чака за широкий ошейник, пропущенный между лапами на манер подмышечной кобуры.

Гладкая панель перед его лицом треснула пополам, и горячий тугий ветер ударил по ногам, сметая с пандуса зеленую мелочь.

Купол Соммерса, как и прочие научные поселки, официально подчинялся Базе Центральной, с восточного побережья. Наделе же, будучи самой крупной административной и материально-технической единицей на плоскогорье Койота, Соммерс осуществлял непосредственное управление всеми крупными и мелкими станциями центральной части единственного на планете континента, изогнутого наподобие австралийского бумеранга. Маленькая биостанция Джея Вагоша располагалась сотней километров к юго-востоку от здешних мест, и обычно Джей бывал «на куполе» раз в месяц, передавал биологам собранные материалы с образцами, запасался продуктами, получал причитающиеся нагоняи от начальства и возвращался в родную вотчину... И так уже три года. Не считая тех лет, когда Джей работал полевым наблюдателем. Словом, Джеслав считался старожилом, знал станцию вдоль и поперек, помнил в лицо едва ли не каждый шов на обшивке и считал себя вправе проникать сюда с черного хода.

* * *

Техники играли в клузер на четыре кольца.

Со стороны это выглядело забавно, поскольку ни мяча, ни поочередно активирующихся щитов с кольцами не было. Четверо мужчин в контактных проекторах метались внутри квадрата, очерченного воображаемыми линиями. Размахивая руками, блокируя и принимая пасы, техники, как взбесившиеся птицы, носились через свободное пространство между двух наполовину разобранных харвестеров. Из-за своих непроницаемых полумасок и толстых перчаток-имитаторов они напоминали французских мимов в титанических декорациях театра техно-кёдай, которые вздымались над головами актеров недостижимыми ребристыми арками.

Джей обошел корпус ближнего «термита», облепленного кибер-манипуляторами, словно сосущими детенышами, поставил контейнер для образцов на пол и принялся смотреть. Чак уселся на хвост рядом с его ногой, по всему было видно, как щенку хочется вступить в эту веселую игру. Вытянувшись всем телом, он мучительно переступал лапами и даже тихонько поскуливал. Пахло потом, азартом и смазкой.

Техники наверняка заметили появление зрителей, но были слишком увлечены игрой, чтобы отвлекаться.

Вот высокий жилистый игрок сделал красивый тэйк, хитрым финтом обвел своего взмокшего опекуна, подпрыгнул и, изящно взмахнув рукой, крюком вlepил виртуальный мяч в виртуальную корзину. Остальные мимы остановились под невидимым кольцом, переводя дух.

– Брэйк, – отдуваясь, скомандовал жилистый.

Его сине-желтый рабочий комбинезон был спущен до пояса и завязан узлом вокруг бедер. Человек стянул маску на шею и, снимая перчатки, шагнул к Джею. – Здорово, хома.

Джей пожал протянутую руку.

– Как мы их сделали? – довольным тоном спросил Ярич, заталкивая перчатки за широкий ремень с десятками карабинов и карманчиков.

Его худая мускулистая грудь поблескивала от пота. Сплошь изрезанное глубокими морщинами лицо замдиректора технической службы купола было сложно назвать красивым, но оно просто лучилось внутренней силой и глубочайшим позитивом. Знакомые величали его не иначе как Яричем, и все без исключений отзывались о нем с большим пиететом. Хотя встречались среди них и те, которым он бивал морду. Джей лично знал о паре таких случаев.

– Мы еще не закончили, – проговорил отдувающийся Ларе Янсен.

Он стоял чуть в стороне, упираясь руками в колени.

– Хороший дриблинг, – улыбаясь, сказал Джей.

– Это я без тебя знаю, – нетерпеливо проговорил Ярич, не обращая внимания на высказывание Ларса. – Так где ты тачку посеял?

Внимательные серые глаза замстартеха смотрели на Джея. Над правой бровью почти посередине высокого лба красовалось скартированное изображение улыбающегося солнца. Побледневшие от времени шрамы, закрученные в спираль, имелись так же и над левым ухом, немного пониже короткого полупрозрачного гребня, протянувшегося ото лба до затылка. Шрамы ловко скрывали следы от операций. Ярич работал во внесемелье уже чертову уйму лет. Он начинал еще во времена «Стокгольмского Лоботомического Скандала», когда панконтинентальное правительство запретило использование электронных имплантов. Джей в те чудные деньки благополучно писал в подгузники и понятия не имел о кардинальной смене мировой конъюнктуры, а для взрослого человека, собиравшегося работать на другой планете, даже безобидные гипосенсоры или присадки в глазное дно могли означать конец карьеры. Яричу пришлось удалить из черепа два тяжелых чипа. Китайские умельцы не только убрали электронные примочки, но и со вкусом замаскировали следы операций. От бывлой имплантированной роскоши у Ярича остались лишь волосяные луковицы Бен-Элиша. А теперь, по прошествии лет, на безобидные мелкие девайсы смотрят сквозь пальцы...

– Тебе разве Шенье не говорил? – спросил Джей, по очереди пожимая руки подошедшим техникам, еще возбужденным и взмокшим.

– Да сказал что-то, но я не вникал...

– И опять он со своим блохастым, – сказал Ларе.

– Ты сам блохастый, старый ксенофоб, – немедленно заступился за Чака юный Эндрю Калохэн, – а барбос просто мэджи.

Присев на корточки, он принялся чесать щенка между ушами. По волосам на макушке Калохэна пробегали оранжевые и фиолетовые огоньки. Чак жмурился от удовольствия.

– Полегче, малага, – Ларе презрительно выпятил губу. – Сначала подтираться научись...

– Цыц, оба, – строго приказал Ярич, – Так что там с машиной?

Джей порылся в кармане и вытащил колибри.

– Господи Исусе, – сказал Джон Бэй, широко раскрывая узкие азиатские глазки. – Это то, про что я думаю?

Технари, подавшись вперед, рассматривали ладонь Джея. Эндрю оставил уши Чака и теперь, поднимаясь на цыпочки, тянул длинную шею, заглядывая через головы товарищей. Забытый всеми щенок обиженно тыкался в ноги.

– Нарвался на рой, весь блистер в кашу, – сообщил Джей.

– Так ты что, – глупо спросил Эндрю, – воздухом шел?

– Вроде того.

Эндрю посмотрел на Джейслава круглыми глазами. Джей пожал плечами:

– Я, честно сказать, всегда летаю. С этой стороны много кружевниц. Сажаю «шмеля» на поляну за пару километров от купола, потом еду через хлыстовник, и все довольны.

Эндрю изумленно рассматривал трупик колибри.

– Рискованно, – Бэй погладил ладонью бритую голову.

– Добираться по дороге – полсуток терять, – чуть досадуя, продолжал Джей. – Она все равно за две недели зарастает, можно, конечно, на мотокаре, но на мотокар много не погрузишь, да и, опять-таки, долго.

– А вот это, – Эндрю осторожно тронул колибри пальцем, – это гнус?

Все заулыбались.

– Нет, не гнус, – сказал Ярич. – Если бы это был гнус, от Славкиного кроссфлая одни винтики бы остались. Шуче, он помельче раз в пять и опаснее... Долбанные пираньи. А это – trochiliformes. В обычном состоянии вот такая индюшка, – он развел ладони, – перед атакой сжимается до размеров винтовочной пули. Хотя мало тоже не станет.

Джей пожал плечами:

– Я же не летаю через опасные зоны.

– А ты все опасные зоны знаешь? – скептически поинтересовался рыжий Ларе.

Это было сложно объяснить, и Джей опять поморщился:

– Все, не все, но кое-что знаю. На крайний случай есть джет.

– Да, – проговорил Ярич философски, – в конце концов эта б...ая планета нас вообще летать отучит... – он покосился на Эндрю, – выше деревьев. Парень здесь третий год, а не то что гнуса, колибри ни разу не видел. Полное фекэ... Мы проигрываем и уже с этим смирились.

– А ты что, хочешь, чтобы самолеты, как в первые годы, по кускам из сельвы поднимали? – ворчливо спросил Ларе.

– Нет, я хочу, чтобы жратву и запчасти на скафах возили... по суборбиталке, – Ярич усмехнулся. – Ладно, – сказал он уже другим тоном. – Хватит балать, развлеклись, и будя. Всем за работу, бездельники. И живо...

Разочарованные техники, натягивая перчатки, неохотно потащились к дальнему харвестеру.

– А ты правильный хом, Славик, – сказал Ярич. – Почему не играешь с нами в дурджет?

Дурджетом, или снейком, безбашенная купольная молодежь называла увлекательную, но опасную игру, когда участники в ранцевых ускорителях выбирают подходящий участок леса, намечают трассу и, сломя голову, мчатся из пункта А в пункт Б, иной раз наперегонки, иной раз в одного, просто для удовольствия. Джетер с головокружительной скоростью несется на высоте десяти-пятнадцати метров от земли, по невероятной траектории огибая стволы хлыстовника. Прекрасное средство добавить адреналина в обыденную жизнь рекодеров-информационщиков, инженеров-техников или лаборантов.

Дурджетом, как и полынными грибами, увлекались везде к западу от плоскогорья Койота и к востоку, в Змеиных ущельях. Начальство вяло боролось с любителями рискованного слалома, хотя порой казалось, что ситуация их даже устраивает.

Время от времени кто-нибудь серьезно разбивался, и гайки принимались закручивать, но проходила пара месяцев, и клапан для спуска пара открывался вновь.

Официально Ярич считался начальником достаточно высокого звена, и Джей даже слегка обалдел. Замдиректору технической службы никак не полагалось прилюдно рассуждать о дурджете и уж тем более намекать на свою причастность. Хотя Ярич всегда плевался на приличия.

– Не люблю необязательного риска, – сказал Джей.

– Дело хозяйское... – Ярич почесал пальцем бровь. – Просто, если ум в башке есть, то риска минимум, а если дурак, то и на ровном месте убьешься... Говорят, Норега потерялся,

который из тюнеров, пошел ночью полетать и исчез... – техник усмехнулся. – А мы ведь с тобой, кажется, близких корней? – внезапно спросил он. – Вагош – это западнославянская фамилия?

Джейслав покачал головой. Предки его деда были чипевайями с озера Виннипег, и индейское слово «вагош» на одном из наречий означало «лисица».

– Нет, – сказал Джей. – Но славянские корни у меня тоже есть, по бабушке. Только причем это?

Ярич развел руками:

– Да, вроде как ни при чем, – нагнувшись, он потрепал Чака по шерстке.

– Так когда достанете моего «шмеля»? – спросил Джей.

Ярич задумался.

– Завтра, – сказал он, – к вечеру, а может, и послезавтра. Видишь, какой затык. Снимать с зачистки «бобра» и резать двадцатиметровую просеку мне никто не даст, а оба малых харвестера не на ходу. Если даже успеем сделать один до завтра, его заберет Шимицу. Три дня назад у нас садился скаф с «Аскалона», привез жратву, оборудование и новых спецов. Шиффо уже увез своих к дельте Хамелеона. Шимицу должен был везти буровиков и гидрологов в озерный купол Рибейры, а тут такая незадача...

– Значит, «Аскалон» уже здесь?

– Больше двух недель как вышел из подпространства, дней восемь как на орбите, – Ярич показал пальцем на ребристый потолок ангара. – Ты, что, не в курсе?

Джей помотал головой:

– У меня связи нет уже четвертую неделю...

«Застрял дня на три, – подумал он обреченно. – Вот невезуха. Нужно будет как-то связаться с Анной». Чак ткнулся носом в его голень.

– А резервный «термит»? – с надеждой спросил Джей.

Ярич ткнул пальцем через плечо:

– Это и есть резервный.

– Когда у «два-двенадцать» полетела трансмиссия, Джоржик, мудак безглазый, выгнал резерв, чтобы подрезать молодняк в кольцевой зоне, и наехал на манту. Манта поднялась с грунта и бросилась на машину. Усиленная кабина всмятку. Хорошо, хоть Джоржик успел выпрыгнуть, теперь лежит в лазарете со сломанной ключицей.

– М-да, – хмуро протянул Джей.

Задержка на Sommerse вырисовывалась все более отчетливо. А ведь еще потребуется время на ремонт кроссфлая. Вот ведь махровая невезуха.

– Ладно, – сказал Джей. – Я пойду. Нужно еще образцы биологам отдать. Ты держи меня в курсе, что и как.

– Будь, хома, – сказал Ярич, протягивая руку. – Постараюсь форсировать этот вопрос. А насчет джета ты подумай.

Джей пожал протянутую руку и совсем было развернулся идти, но, спохватившись, остановился:

– Если скаф с «Аскалона» садился в Sommerse, значит, господин Лагран уже здесь?

– Будь он здесь, – Ярич усмехнулся, – начальство бы на запах стояло. Лагран пока на восточном побережье, инспектирует Центральную.

– Так ведь скаф...

– Пилоты с «аскалоновского» корыта говорили, будто господин Лагран привез с собой планетарный мини-скуллер стоимостью в полтора миллиарда номиков, – серьезно сказал Ярич. – Плевал он на орбитальные чемоданы, а за горячее платит пан-континентальное правительство. Вот так-то... Славная у тебя псина и окрас веселый...

* * *

«Планетарный мини-скуллер за полтора миллиарда монет, – размышлял Джей, направляясь к выходу из ремонтного ангара. – Нам бы здесь тоже не помешал мини-скуллер».

На Базе Центральной был оборудован первоклассный взлетно-посадочный комплекс. Был и приписанный к нему скаф среднего тоннажа, посадочные площадки имелись на каждом региональном куполе, но выход на суборбитальную траекторию, маневрирование, а затем посадка требовали слишком много горючего, поэтому пользоваться скафом полагалось лишь в случае крайней нужды. За топливо трикстеррианскому начальству приходилось отчитываться перед начальством земным, а земное начальство спрашивало по полной программе.

Почти сразу после открытия Трикстерры стало понятно, что построить дороги здесь крайне затруднительно, по крайней мере без вырубки больших массивов сельвы. Поэтому основную нагрузку транспортного сообщения между исследовательскими куполами, расположенными в разных концах континента, решили возложить на воздушный транспорт. Но спустя три года, когда большинство крупных объектов были практически построены, трикстеррианская летающая фауна ни с того ни с сего начала атаковать воздушные суда, да так эффективно, что после десятка жутких крушений авиаперевозки пришлось приостановить.

Поиски эффективной защиты от гнуса затянулись на шесть лет и постепенно зашли в тупик. Покорителям далеких планет волей-неволей пришлось спускаться с небес на землю: только космические корабли с их мощной жаростойкой броней могли противостоять несговорчивой трикстеррианской мошке, но полеты скафов – слишком дорогое удовольствие. Мини-скуллеры куда как экономичнее здоровенных скафов, но их закупку бюджет никак не предусматривал.

Дверца для персонала, прорезанная в огромных раздвижных воротах, с шипением скользнула в сторону, и Джей, подтолкнув вперед Чака, вошел под свод купола.

Каждый раз, попадая в купол, Джей испытывал странное чувство, граничащее с благоговейным восхищением. Широкий, как четырехполосная дорога, проезд пересекал станцию с юга на север. Одним концом проезд упирался в ворота грузового терминала, выходявшего на взлетно-посадочное поле, другим – в ворота ремонтного ангара. Джей стоял в самом начале этого пустынного шоссе, а над ним, изгибаясь дугой, уходили к небу бронированные витражи зенитных фонарей. Второй проезд, такой же просторный, как и первый, пересекал станцию с востока на запад. Как будто титанический кулинар разрезал этот слоеный пирог крест-накрест и накрыл ломти полусферой остекленной крышки.

Подняв голову кверху, Джей отчетливо видел срезы этажей с ажурными перемычками пешеходных мостиков и широкими полосами транспортных эстакад, перекинутых над ущельем проезда. Толстые шахты выносных лифтов спускались с самой верхотуры до самого низа полупрозрачными водосточными трубами. Казалось, будто стоишь на проспекте диковинного города между двумя огромными домами.

Лаборатории биологической группы располагались на шестом ярусе. Поэтому Джей прошел мимо двух пассажирских лифтов, сразу направляясь к третьему. Прозрачные, как весенний лед, выгнутые створки разъехались в стороны. Джей шагнул вперед, в просторную круглую кабину. Чак замер на пороге, выразительно глядя на человека. Щенок не любил лифта.

– Ну, – укоризненно сказал Джей. – На тянучке ты ведь ездешь... и ничего.

Щенок приоткрыл улыбчивую пасть и переступил лапами. Джей вздохнул, поставил контейнер на пол и, крепко уцепив Чака за ошейник, втолкнул его в лифт.

– Стой смирно, – сказал он строго и быстро назвал номер этажа.

Кабина плавно пошла вверх, но на третьем ярусе замедлила бег и встала. Внутренние дверки разошлись, пропуская знакомую долговязую фигуру. Профессор ван дер Рой вошел в лифт. Сначала он удивленно уставился на Чака, потом – на Джейслава.

– Доброго дня, профессор, – сказал Джей, протягивая руку.

Ван дер Рой, поморщившись на слове «доброго», подал Джей вялые пальцы.

– Пятый, – сказал он громко. – Как ваши дела, молодой человек?

– Неплохо. А ваши?

Лицо ван дер Роя приобрело совершенно унылое выражение.

– Чудно, – сказал он с отвращением.

Лифт остановился на пятом. Открыл двери и замер в предупредительном ожидании.

– Да! – спохватился Джей. – У меня для вас кое-что есть.

Он раздвинул крышку своего контейнера и, покопавшись в его недрах, извлек маленький прозрачный бокс с неопрятным серым комком, наподобие нестиранного носка, внутри.

– Радужный хамелеонит, – сказал Джей. – Вы, кажется, искали третий контрольный образец.

– Спасибо, – профессор, нахмутившись, взял бокс в руки, и серый носок вдруг растопырился оранжевыми и зелеными отростками, становясь похожим на какую-то тропическую рыбу с Багамов.

– Вы выходите? – спросил Джей, замыкая контейнер.

– Да, мне на пятом, – профессор оторвался от созерцания оранжево-зеленого создания, выпускающего длинные мягкие усики, – хороший у вас индри.

Ван дер Рой внезапно нагнулся, рассматривая Чака, тронул рукой фиолетово-голубые разводы на шерсти загривка.

– Вы в курсе, что мой экземпляр индри пропал?

– Ваш индри погиб? – Джей растерялся.

– Если бы. В том и дело, что нет. Пропал, исчез, растворился, как вам будет угодно... Прямо из закрытой клетки... Возможно, похищен...

Несколько секунд мужчины молчали. Чак настороженно поглядывал на долговязого профессора.

– Вы бы не согласились?.. – начал ван дер Рой.

– Нет, – быстро сказал Джей. – Чак мне нужен самому, и он приписан к моей станции.

Профессор выпрямился. Лицо его опять сделалось кислым.

– Спасибо за зверушку, – сказал он, приподнимая маленький бокс, наполненный дрожанием пурпурных нитей, – только это не хамелеонит.

– Как не хамелеонит? – Джей приподнял брови.

Ван дер Рой приостановился на пороге лифта.

– Вот здесь, – объяснил он, приподнимая прозрачную коробку, – на брюшке, обязательно должны быть два ряда коротких отростков, от восьми до двенадцати, а их нет. Это не хамелеонит...

– А кто же? – тупо спросил Джей.

– Какая-то тварь, которая притворяется хамелеонитом, – сказал профессор и вышел из лифта.

Глава 2

У Фила Розенштайна имелась куча странных привычек, например запираť двери изнутри и отключать коммуникатор, что, впрочем, не мешало Джейславу Вагошу считать его своим другом и регулярно заглядывать к Розенштайну в каждый из своих коротких визитов на станцию. В двери, в конце концов, можно было и постучать.

– Ну, как твоя поляна? – спрашивал Фил, бесцеремонно сметая с дивана лабораторные склянки вперемешку с дорогими приборами. – Все кормишь мышей?

Чак, задрав толстый полосатый хвост, бегал по Филовой лаборатории, обнюхивая углы и закоулки. По устоявшейся традиции он считал эту территорию своей.

– Как Анна?

– Хорошо. На той неделе чуть недомогала. Сейчас в порядке. Привет тебе передает.

– Когда у нее срок? – поинтересовался Розенштайн, взлохмачивая и без того лохматые волосы.

– Скоро уже. А у вас какие новости?

– У нас все в рамках программы, – пробормотал Фил, щуря блестящие глазки. – Начальство разминает языки перед визитом господина Лаграна, тренируется в лизании задниц... Садился скаф с «Аскалона»... Хочешь покурить? У меня новая партия подросла.

Фил плюхнулся в выдавшее виды кресло на архаичных колесиках, выудил откуда-то самодельную сигарету и прикурил от лабораторной горелки. Джей, устроившийся на краю дивана, покачал головой.

– Как хочешь, – сказал Розенштайн, – У ван дер Роя пропал индри, – сообщил он, выпуская изо рта сизое облачко дыма. – Старик вне себя. Всю станцию вывернул наизнанку.

– Я видел Роя, – осторожно сказал Джей. – А что, собственно, случилось?

– Загадочная история, – Фил поскреб заросли щетины на толстой щеке. – Никто так ничего и не понял. Индри пропал из запертой лаборатории, из закрытого вольера. Вечером был на месте, а утром – пустая клетка.

Джей покачал головой.

– И представляешь, – Фил нагнулся вперед, натягивая объемистым животом ткань цветастой рубашки. – Камеры в лаборатории и камеры в коридоре не показали ровным счетом ничего. Ослепли! Системный сбой. Просто зависли на пять минут. Каково?

– Действительно, странная история.

– Слишком странная, – Фил стряхнул пепел в первую подвернувшуюся плошку. – Похоже на диверсию...

– Брось, – Джей даже засмеялся. – Кому нужно похищать индри у ван дер Роя?

– Нашим купольным програмщикам.

– Для чего им индри? – Джей уже ничего не понимал.

Фил пожал плечами:

– Для организации.

– Какой организации?

– Мало ли... «Лига Экстремальной Оппозиции», «Великая стена», «Анархезис». Почем мне знать? На Земле полторы тысячи незаконных группировок.

– Какое Трикстерра имеет отношение к земным тергруппам?

– Старик, – назидательно проговорил Розенштайн, – если ты полагаешь, что до нашей планеты никому нет дела, то ты наивный боба.

– Ага, – сказал Джей, – значит, «Великая стена» снарядила подпространственный лайнер с командой узкоглазых головорезов...

– Напрасно иронизируешь, – Фил откинулся на спинку кресла. – Никакого лайнера. Боевики прибыли сюда давным-давно, на вахтовых звездолетах под видом наемных специалистов, большей частью, я думаю, системных техников, лайн-тюнеров, ап-ридеров, что-нибудь в таком духе.

– Почему ап-ридеров, а не ксенобиологов?

Фил всегда был слегка сумасшедшим, но до такой степени пока не доходило.

– Потому что, если решение о колонизации будет наконец принято, дотации на науку урежут, большую часть исследовательских программ придется временно свернуть, и такие, как я, скорее всего, улетят домой, – терпеливо объяснил Розенштайн, – а ап-ридеры останутся, эти ребята нужны везде и всегда. Они останутся так же тихо и незаметно, как когда-то появились...

– ...и украли индрии у профессора ван дер Роя.

Фил поднялся из кресла и прошелся по лаборатории, дымя самокруткой.

– Выходит, что так, – сказал он, останавливаясь перед Джейм.

– И зачем им это надо?

– Общая дестабилизация обстановки.

Джей хмыкнул.

– Ты знаешь Анри Диаша?

Джей кивнул:

– Немного.

– Так вот, он мне настроил камеры в лаборатории так, что время от времени я могу их отключать, чтобы покурить не только в личной каюте.

– Ну и что? – Джей пожал плечами.

– А переводы? – не унимался Фил. – Я смотрел закрытые служебные файлы. Программики постоянно переводятся с места на место: из Люпье в Конрада, из Конрада в Ло Фэня, из Ло Фэня в Санникова.

– Ты параноик, – сказал Джей с некоторым восхищением.

– Думаешь? – Фил погасил окурок в керамической чашке. – А мне кажется, что это самая обычная конспирация. И притом не слишком умелая. А потом мы все удивляемся, почему у нас то одно не работает, то другое...

– Саботаж, – подсказал Джей.

– В том числе, – Фил взлохматил волосы и опять прошелся по лаборатории. – В том числе. Но главное, думаю, в том, что они готовят покушение, а мелкие диверсии, вроде поломки харвестеров или похищения индрии у ван дер Роя, совершаются для отвода глаз. Соображаешь?

– И покушение готовится, конечно же, на Лаграну.

– Соображаешь, – удовлетворенно согласился Фил. – Он идеальная мишень: влиятельнейший эксперт, представитель панконтинентального правительства, правая рука председателя Комитета по Экспансии. Лично я бы его непременно грохнул.

– И откуда ты все это взял?

– Умение искать и находить информацию, – Фил похлопал ладонью по настольному блоку.

– Моя Анна тоже программик, – как бы между прочим сообщил Джей, – и в Коммерс перевелась из другого купола, но на нашей биостанции никаких диверсий не происходит, а аппаратура работает как часы.

– Это еще ни о чем не говорит, – пробурчал Фил.

Он сунул руки в карманы штанов.

– Если все так серьезно, то почему ты не пойдешь к Крайцу? – спросил Джей.

Розенштайн презрительно выпятил губу.

– Чего ради? – сказал он брюзгливо. – Директор службы безопасности за меня мою работу не делает. С чего я стану делать его?

Фил подошел к кубу термического утилизатора, высыпал в его зев пепел вместе с раздавленным чинариком и нажал ногой педаль.

– Классика, – сказал он удовлетворенно, имея в виду то ли курево, то ли терроризм. – Слушай, старик, а не посидеть ли нам в кафе? – Фил сильно оживился. – Я нашел отличное кафе на десятом. Очень уютное и кормят прилично.

– Можно и в кафе, – согласился Джей. – А к биологам позже зайду. Я Чака у тебя оставляю?

– Давай, – отозвался Фил. – Только привяжи его, чтобы не получилось, как в прошлый раз.

* * *

Лаборатория Розенштайна располагалась на самом отшибе северо-восточного сектора станции, почти у самой наружной стены, зато недалеко от магистрального коридора. Рабочий день был в самом разгаре, и в переходах шестого яруса толкалось совсем немного народу.

Широкая лента пассажирского транспортера, в простонародье – «тянучка», несла приятелей к лифтам восточного проезда. Нескончаемая вереница белых дверей с крупными оранжевыми цифрами быстро уплывала куда-то за спину. Слева бежали навстречу остроносые светлые стрелки разметки, нанесенные на темно-серую гуттаперчевую поверхность правой полосы, бойко текущей в обратную сторону.

Доехав до каньона восточного проезда, огороженного по краю никелированными перилами, приятели перешли на полосу,двигающуюся к центру слоеного пирога. На консольных галереях, подвешенных с двух сторон от пропасти центрального проезда, было куда многолюднее, чем в периферийных коридорах яруса. Джей и Фил кивали встречным знакомым.

Немного не доезжая до центральной площадки купола, где четыре куса пирога соединились между собой широкими пешеходными мостиками, Фил сказал: «Стоп». Серая лента моментально замедлила ход и встала. Белые стрелки, очерчивающие ее с краев, деформировались, сжимаясь в одну сплошную линию. Фил и Джей перешли на твердую поверхность пола, и тянучка с облегчением побежала дальше, растягивая на ходу свою серую поверхность.

– Господин Лагран, как ни крути, очень важная шишка, – говорил Фил, направляясь к стеклянной колонне ближайшего лифта. – А может, на Земле окончательно зашли в тупик, если посылают эксперта с чрезвычайными полномочиями.

– Но ведь в Комитете по Экспансии все равно будут какие-то обсуждения, – предположил Джей.

– Необязательно. Совсем не обязательно.

Лифт гостеприимно растянул в стороны створки дверей.

– Говорят, председатель безоговорочно доверяет Лаграну... – говорил Фил, вворачиваясь в просторную кабину. – Десятый, пожалуйста...

Десятый ярус был целиком отведен под нужды здорового досуга жителей купола. Кроме бассейнов и спортивных площадок, здесь имелось несколько парков, засаженных разнообразными пихтами-кактусами, солярий, где можно было всласть поваляться под лучами трикстеррианского желтого карлика и даже молельный комплекс на любой вкус любого конфессионера. Несколько десятков небольших кафе и баров было раскидано по всему этажу. Время от времени старые кафе вдруг исчезали с привычных мест, а новые появлялись в

совершенно неожиданных закоулках. Даже такие закоренелые скептики, как Фил Розентайн, признавали, что в этом есть некоторая свежесть и интрига.

Двери лифта разъехались, и приятели вышли на полукруглую площадку, от которой разбегались в стороны несколько дорожек, выложенных светлой синтетической плиткой. За бордюром площадки по ухоженному полусинтетическому газону медленно полз маленький киберсадовник. Чуть дальше, буквально в двадцати метрах от лифта, сплошной стеной начинался выверенный по линеенке лес из японской карликовой сосны в широких низких горшках. Между горшками полз еще один робот, время от времени погружая длинную иглу манипулятора в почву.

– Нам вот сюда, – сказал Фил, затем, покосившись на объемистый зеленый контейнер Джей, заинтересовался. – На фига ты его с собой таскаешь? Не мог оставить в лаборатории?

– На обратном пути зайду к Элкинсу, – объяснил Джей, – оставлю образцы. Потом к О’Хара...

– А... да... О’Хара, – Фил потер лоб. – Совсем забыл... Фрау Марсельеза просила передать, чтобы ты зашёл, как появишься.

– Дьявол, – Джей поставил контейнер на пол. – А чего ты молчал? Когда она с тобой говорила?

Марсельеза О’Хара, к которой с подачи каких-то станционных остряков приклеилось обращение «фрау» (странная немецкая приставка к странному имени), имела невероятную способность узнавать что-либо о своих подчиненных чуть раньше, чем они узнавали это о себе сами, и Джей знал, что визиты к фрау Марсельезе лучше не откладывать.

– Да незадолго до того, как ты... Слушай, что за ерунда? – взбеленился Фил. – Ты разве обязан бежать к ней, сломя голову? Да тебя, может, и в куполе-то еще нет...

«Как же, нет...», – подумал Джей, поднимая с пола контейнер.

– Ладно, старый параноик, не психуй, – сказал он примирительно, – после в твоём кафе посидим, все равно я застрял здесь дня на три.

Фил буркнул нечто вроде: «да катись ты».

– Уже, – сказал Джей, входя в лифт. – Я к тебе вечером загляну.

* * *

Коммуникативная панель на двери директорского кабинета засветилась нежно-голубым. Цветные огоньки бежали по ее правому краю.

– Вы просили меня зайти, – сказал Джей, нагибаясь к продолговатому экрану.

– Это вы, Вагош? – живо спросила панель голосом директора по научной части. – Заходите, я вас уже час как жду.

Гладкая пластина двери отъехала, сливаясь со стеной, и Джей прошел в большой шестистенный, как большинство помещений в куполе, кабинет.

Марсельеза О’Хара сидела за своим широким директорским столом. Отчасти фрау Марсельеза напоминала небольшую хищную птицу. Изогнутый и в то же время аккуратный южно-американский нос с широкими крыльями дополнял сходство. Прозрачное выпуклое забрало служебного информатора висело перед внимательными карими глазами.

В комнате был еще один человек, очень красивая молодая женщина, смуглая, с копной вьющихся волос в стиле «безумный водопад».

– Здравствуйте, Джей, – сказала О’Хара. – Разрешите вам представить, Росария Маркес, гидролог, специалист по подводному бурению, – фрау Марсельеза слегка поклонилась в сторону красавицы. – А это Джейслав Вагош, лучший смотритель лучшей биостанции нашего региона.

«Чего это она?» – подумал Джей, делая шаг к креслу, в котором расположилась Росария.

Молодая женщина поднялась на ноги и оказалась довольно высокой, совсем не намного ниже лучшего зрителя. Джей протянул руку и пожал ее изящную, но в то же время крупную ладонь.

– Джей, что там с вашим кроссфлаем? – как бы ненароком поинтересовалась О'Хара, глядя поверх информационной рамки.

Джей внутренне подобрался. Директор по науке была в своем ключе.

– Небольшая авария, – сказал он подчеркнуто небрежным тоном. – Ерунда, я уже сообщил Шенье, и Ярич в курсе.

О'Хара сочувственно покивала головой. Все она знала и обо всем имела подробнейшее представление, эта женщина с лицом хищной птицы. Просто она вела какую-то свою игру, и Джей в таких случаях всегда начинал испытывать легкое раздражение.

– Надеюсь, ничего серьезного, – О'Хара тонко улыбнулась. – Мадам Маркес на днях прибыла с «Аскалона». Она и еще четверо ее сотрудников, которых сейчас, к сожалению, тут нет, будут работать у Пушина на озерном куполе.

«Какого черта? – подумал Джей. – Зачем она мне все это рассказывает?»

– Да вы поставьте свой ящик, – ласково продолжала О'Хара, – присаживайтесь к столу.

Джей опустился в кресло, выпрямился и, пристально глядя на фрау Марсельезу, ожидал продолжения. О'Хара покрутила на столе рабочий планшет.

– Видите ли, Джейслав, – сказала она доверительно. – Обстоятельства складываются так, что я должна просить вас об одной услуге.

«Уже горячее», – подумал Джей.

– Росарии и ее коллегам нужно быть на Рибейре не позднее семнадцатого, иначе полетит график бурения, – заговорила О'Хара. – Те, кого они сменяют, уже прибыли в Соммерс и уже улетели на скафе. Оба харвестера стоят в ремонтном ангаре, и получится ли починить хотя бы один к завтрашнему дню, пока неясно. Очень может статься, что придется идти на одних мотокарах. Я рассчитывала отправить Мортимера, но случилось непредвиденное, у Мортимера острый аппендицит с осложнениями, а у Баумана нет опыта.

«И ты боишься проштрафиться на глазах у крупного начальства», – подумал Джей.

– А почему вы не пошлете Николайцева? – сказал он вслух.

– Николайцев сопровождает группу Шиффо и будет дней через пятнадцать. Мы не можем столько ждать, – в голосе начальницы появились просительные нотки. – Джей, вы знаете юго-запад, как свои пять пальцев, и у вас огромный опыт. Руководство купола просит вас взять на себя сопровождение группы Шимицу.

– Я зритель биостанции, – скрипучим голосом сказал Джей. – Собираю образцы для ксенобиологов и ксеноботаников, ставлю автономные ловушки, настраиваю метеоприборы, кроме того, провожу собственные исследования. Сопровождение групп в качестве проводника не входит в мои обязанности.

Лицо Росарии Маркес стало рассеянным. О'Хара тихо и досадливо кашлянула.

– Росария, милочка, – сказала она улыбаясь. – Вы не могли бы пока погулять по станции? Мы договорим позже.

Росария быстро поднялась и, покосившись на Джея со странной смесью интереса и удивления, вышла в коридор.

– Приятно было познакомиться, – сказала она уже на пороге.

Джей вежливо поклонился.

О'Хара подождала, пока дверь кабинета скользнет на место, затем сняла с лица инфо-рамку и положила на стол.

– Бросьте, Джей, – сказала она миролюбивым тоном. – Речь всего-навсего о какой-то неделе. Четыре дня туда, четыре – обратно. У вас же богатейший опыт. Даже Николайцев вам в подметки не годится. К тому времени и машину вашу починят, я сама прослежу. Полетите на свою АМК, – О'Хара быстро взглянула на собеседника. – Кстати, как там Анна?

Джей окончательно разозлился:

– Хорошо, – сказал он. – И будет совсем замечательно, если ей придется рожать в пустой биостанции. Под присмотром санитарного автомата.

– Бросьте, Джей, – фрау Марсельеза замахала руками, теряя вид хищной птицы. – Во-первых, ее срок через две недели, во-вторых, даже если не будет связи, она выпустит радиоракету, а я сразу отправлю бригаду медиков, и в-третьих, вы вернетесь намного раньше.

– Я еще никуда не уехал, – зло проговорил Джей.

О'Хара молчала несколько секунд, потом сказала вкрадчиво:

– Джей, я, конечно, слышала про трагедию на Калахари Пойнт. Но ведь вашей прямой вины в случившемся нет. К чему это самобичевание? Ведь столько лет прошло...

– А вот это, – жестко сказал Джей, – совершенно не ваше дело.

Фрау Марсельеза слегка сдулась. Она понимала, что даже узловой директор купола не может приказывать Вагошу заниматься не своей работой, и это слегка выбивало ее из колеи. Конечно, она затеяла разговор не по своей инициативе. Кому бы и следовало обращаться к станционному смотрителю с подобной просьбой, так это исполнительному директору или, на худой конец, Шенье, отвечавшему за транспорт. Но узловой досконально знал способности своих замов и выбрал для этой миссии именно фрау Марсельезу.

– Извините меня, – голос у О'Хары стал беззащитным и даже просительным. – Мы тут совсем зашились. Оборудование ломается, лабораторные образцы теряются, информация исчезает, а еще ночные джетеры, – О'Хара махнула рукой. – Позавчера пропал Норега... Вышел через западный шлюз с ракетным ранцем и исчез. Весь отдел Крайца его ищет... Джей... я не могу настаивать, но все же... Поймите, мы попали в совершенно безвыходное положение...

Джею захотелось смачно, в три этажа, выругаться. В глубине души он уже понимал, что проигрывает.

– Знаете что, – предложила директриса, – Давайте так: если Ярич со своими техниками починит за ночь один из «Термитов», я пошлю Баумана и оставлю вас в покое. Идет?

Джей мрачно кивнул.

– Только не забудьте о своем обещании, – сказал он после короткой паузы.

– Насчет бригады? Конечно...

Поднявшись из кресла, Джей вынул из кармана стандартный накопитель и аккуратно, будто конфетку из упаковки, выщелкнул на стол разовый информационный модуль.

– Здесь отчеты за две недели, – сказал он и, нагнувшись, поднял с пола свой контейнер.

Джейслав был уже практически у самой двери, когда О'Хара, как будто спохватившись, сказала ему в спину:

– Еще один вопрос, господин Вагош. Вы уже слышали, что у профессора ван дер Роя исчез его псовый индри?

Джей обернулся.

– И вы, конечно, знаете, как сложно поймать индри?

– Не знаю, – сказал Джей. – Ни разу не пытался ловить индри.

О'Хара непонимающе моргнула.

– Неважно, – сказала она, выпрямляясь в кресле. – Я точно знаю, что на всем плоскогорье Койота псовый индри теперь есть только у вас. Не согласились бы вы передать его в распоряжение профессора?

– Нет, – мстительно сказал Джей. – Он приписан к моей биостанции и нужен мне самому. Ведь вы сами утверждали мою научную программу.

О'Хара подняла со стола свою рамку и дважды перевернула ее в ладонях.

– Не могу настаивать, – сказала она наконец, видимо решив не перегибать палку. – Будьте на связи.

Джей кивнул и вышел в коридор.

* * *

В половине седьмого он в общих чертах завершил все свои дела на куполе. Образцы странных созданий и странных растений были розданы по лабораториям, информация, собранная автоматическими регистраторами, перекочевала в компьютеры заинтересованных лиц, а непосредственное Сомерсовское начальство было по всей форме ублажено подробными отчетами.

Джей стоял в восточном коридоре восьмого яруса и, облокотившись на никелированные перила, смотрел вниз, в пропасть проезда, где возле служебного лифта медленно разворачивался грузовой транспортер. Отсюда транспортер походил на жука, из тех, что обычно прикидываются серым неровным камешком. В ладони Джейслава был крепко зажат син-син. Слава богу, что хоть внутри станции нет проблем со связью. Джей уже успел позвонить Филу и договориться о встрече в половине десятого на верхнем ярусе. Толстяк попытался принять оскорбленный вид, но обиды и ссоры были не его стихией.

Джей покосился на свой правый ботинок, возле которого больше не стоял объемистый ящик переносного контейнера. Чуть посомневавшись, он поднес син-син к лицу и велел установить соединение с директором Шенье, затем отменил вызов и назвал другого адресата.

Ярич ответил не сразу. Наконец, объемное лицо появилось над голоэкраном.

– А, Славик, – сказал Ярич не слишком приветливо. – Извини, мы тут все в трудах.

– Я не задержу, – поспешно сказал Джей. – Что там с «термитами»? Будет до завтра хоть один?

Ярич почесал шрамы над бровью:

– За резервный, которого манта помяла, мы еще и не брались, но там работы до жопы. А другой, может быть, и успеем починить, если какие-то проблемы не повылезут. А ты что, за «шмеля» своего беспокоишься?

– Нет-нет, – поспешно проговорил Джей. – Работайте, не буду отвлекать.

Он отключился, постоял еще пару минут, глядя, как ловкие паучки разгружают транспортер, и опять поднял син-син.

Центральный пункт связи на девятом ярусе ответил почти сразу.

– Да, господин Вагош, – сказал оператор. – Нас предупреждали... Да, связь есть, даже с Миленцем (он назвал самую далекую автономную станцию сектора) и даже картинка вполне устойчивая. Заходите прямо сейчас... Ждем...

Джей спрятал син-син в карман, еще раз поглядел вниз, на транспортер, и вызвал лифт.

– Девятый, – сказал он, входя в кабину.

Глава 3

Лес стоял вокруг, будто струны чудовищного пианино, как ни попадя натянутые шутиком настройщиком. За два дня путешественники успели довольно далеко уйти на юго-запад, и теперь между тонких стволов хлыстовника все чаще стали попадаться толстенные колонны хрустальной секвойи. Уже несколько раз Джей видел фиолетово-лаковые необъятные звезды раффлезии.

Приближался сезон семяпадов, и в воздухе уже всюду кружились цветные снежинки пуха. Шимицу раздал новичкам мембраны для носа, но надевать их пока никто не спешил. Влажная духота поднималась от пестрого мха, и, хотя капиллярные подкладки походных комбинезонов исправно охлаждали разгоряченное тело, к полудню становилось по-настоящему жарко.

Джей покосился на Росарию. На девушке был серо-голубой «Робинзон форест», неплохая модель, хотя и перегруженная излишними прибабасами. Сам Джейслав предпочитал носить «Сафари дистант». Скромно, эффективно и со вкусом.

Где-то позади сипло гудели движки мотокаров, с трудом пробирающихся в сторону поляны.

– Куда идем? – спросил Шимицу, озабоченно разглядывая частые струны хлыстовника прямо по курсу. – Слева вроде как посвободней.

Джейслав задумчиво поглядел налево, затем оглянулся на высокого сухощавого японца.

– Нет, – сказал он. – Налево идти не стоит. Завязнем. Лучше обогнем справа.

– А максики пройдут? – спросил Шимицу, имея в виду грузовые мотокары «макси».

– Должны, – сказал Джей. – Еще километров тридцать и начнется старая просека, если мы не слишком отклонились к югу и если она окончательно не заросла. Повезет, будем у Кроличьего ущелья завтра к обеду...

– Глядите, – вдруг позвала Росария, – там что-то по стволу вверх пробежало, вот по этому, по толстому.

Молодая женщина, задрав голову, сделала несколько шагов в сторону секвойи.

– Росария, вернитесь туда, где стояли, – сказал Джей.

Девушка обернулась.

– Стоять под секвойями нельзя, – Джей подцепил носком ботинка высохший и вылущенный стробил размером с небольшой ананас. Росария недоуменно воззрилась на здоровенную шишку.

– Такие штуки иногда падают сверху, – пояснил Джей. – Можно серьезно травмировать голову.

Росария опасливо отступила на несколько шагов. «Вот так-то лучше», – подумал Джей.

– Я про это читал, – подал голос молодой гидробиолог Марсель, увязавшийся вместе с Росарией вслед за Вагошем и Шимицу в маленькую рекогносцировку. – Женские шишки хрустальной секвойи довольно велики, после созревания они падают вниз... Правда, я думал, что сезон начинается немного позже.

– Да, – сказал Джей, – но шишка этого может и не знать.

Росария с удовольствием засмеялась. У нее был приятный смех.

– А Чак? – спросила девушка, указывая на задранный вверх полосатый хвост индри, по всей видимости, собиравшегося метить основание древесного гиганта. – Ему на голову ничего не упадет?

– В отличие от нас с вами индри наверняка успеет отскочить, – сказал Джей, пристально всматриваясь в промежутки между желтыми, как латунь, стволами.

К югу от Коммерса почвы сильно меняли состав, и твердая, словно железо, кора хлыстовника приобретала более светлый оттенок. Росария открыла рот, собираясь спросить еще что-то, но Джей поднял руку.

– Тихо, – сказал он негромким властным голосом.

В зарослях кто-то двигался. Джей видел краем глаза, как Чак настороженно застыл на месте, вытянув шею и наострив пушистые уши.

– Что там? – спросил Шимицу.

– Тс-с-с.

Не опуская руку, Джей сделал несколько шагов вперед... Остановился. В светло-желтой чаще вдруг что-то гулко заворочалось, и в следующий миг Джей увидел между деревьев огромную чёрную тушу.

Позади Джея хрустнула под чьими-то ногами шишка, и испуганно ойкнула Росария. Джей быстро покосился на спутников:

– Спокойно, – сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал обыденно. – Стойте на месте и не делайте резких движений. Ничего страшного. Все в порядке.

– Ведь это гризли? – севшим голосом спросил Марсель.

Вот же чертов всезнайка.

– Не дергайся, – сквозь зубы проговорил Джей.

Гризли стоял в каких-нибудь пятнадцати шагах, трехметровая угольно-черная зверюга, словно кусок ночного беспросветного неба. Только оскаленная пасть жаркими углями краснела на вдавленной в покатые мощные плечи страшной голове. Гризли качнулся на коротких кривых лапах и зарычал.

– И что нам делать? – дрожащим голосом спросила Росария.

Джей выпрямился и убрал руку со штуцера.

– Ничего, – сказал он. – Это не гризли.

Шимицу облегченно вздохнул.

– А кто? – полным недоумения голосом спросил Марсель.

– Думаю, коlobусы. Вот, смотрите.

Джей подобрал со мха не очень большую шишку и, размахнувшись, швырнул ее в стоящего на задних лапах зверя. Шишка, кувыряясь, полетела по пологой дуге. Она шлепнулась на мох, не долетев шага три, и в тот же момент гризли вдруг рассыпался. Кривые короткие ноги, голова с оскаленной тлеющей пастью, висящие по бокам тела мохнатые лапы – все разом кинулось в разные стороны. Толстое бочкообразное тело развалилось на пять или шесть длиннохвостых черных кусков и опрометью покатилося в селву.

– Йо-ху, – неуверенно сказал Марсель.

Джей обернулся к вежливо улыбающемуся Шимицу и к слегка ошарашенным молодым гидрологам.

– Здесь всегда так, – сказал он. – Привыкнете.

Росария Маркес смотрела на Джея совершенно круглыми восхищенными глазами.

– А как вы узнали? – проговорил смущенный Марсель. – Ну, что это не гризли.

– Сенсей Джейслав большой мастер, – негромко сказал Шимицу.

Джей нахмурился.

– Ерунда, – сказал он. – Просто есть определенные признаки.

Марсель хотел спросить еще что-то, но Шимицу его перебил:

– Хорошая поляна для стоянки.

Джей с сомнением покачал головой:

– Солнце пока высоко. Можно идти еще часа два. Потом разобьем лагерь. Впереди должны быть места не хуже.

Прямо за спиной Шимицу на противоположном краю поляны появился между деревьев угловатый нос двухместного мотоцикла «мини», похожего на легкомысленную машинку для гольфа. Мотоциклом управлял с трудом уместившийся на переднем сиденье Бад Картер, один из троих буровиков. Маленькая колонна догоняла свой авангард.

* * *

Ночь в тропиках наступает быстро, почти без сумерек. Кто-то на небе говорит: «свет», хлопает в ладоши, и разом наступает непроглядная темень.

Джей как раз заканчивал установку охранного периметра. Тонкий шуп последнего узлового маячка легко вошёл в податливую почву, замыкая пентаграмму вокруг территории временного лагеря. Засветилась красным бисерина на конце длинной спицы, и Джей понял, что не видит ни зги. Он быстро опустил на глаза ночные очки и пронаблюдая, как из круглой головки шупа выщелкиваются поочередно зернышки сенсорных часовых.

Из серой темноты бесшумно вынырнул Чак, переступил длинными лапами, внимательно рассматривая желтыми глазищами разбегающиеся по мху зернышки. Ему приборы ночного видения были без нужды.

Когда Джей вернулся на облюбованную для стоянки поляну, все приготовления уже были закончены. Шимицу и Хорек развернули пузырь общего бунгало слева от упавшего ствола хлыстовника и поставили полукругом шесть больших и малых мотоциклов. Народ ужинал и приводил себя в порядок после дневного марша.

Джей поговорил с Шимицу и пошел устраиваться. Он поставил свой индивидуальный кокон с западной стороны от выеденного муравьями ствола, подождал, пока конструкция расправит покатые, быстро твердеющие стенки, обошел походное жилище кругом и остался доволен. Чак немедленно забрался внутрь и принялся обнюхивать углы. Джей, бормоча что-то о чистом матрасе и грязных лапах, немедленно вытурил щенка наружу. Затем он достал из рюкзака упаковку тонизатора, вытряхнул одну таблетку, закинул в рот и подумал, что завтра, скорее всего, придется принимать двойную дозу.

Таблетка начала действовать почти сразу. Вяленькую зевотную расслабленность как рукой сняло. Джей опять был бодр и готов ко всему, что только могло приключиться. Чак, проникшийся какими-то своими понятиями о долге и службе, обежал несколько раз вокруг кокона и затрусил прочь, обходить дозором вверенную территорию. «Только бы за периметр не лез», – механически подумал Джей, хотя Чак каким-то своим полусобачьим чутьем всегда угадывал, что можно делать, а чего нельзя.

Джей, положив штуцер возле правого колена, уселся у входа в кокон, сдвинул на лоб ночные очки и попытался привыкнуть к темноте.

В бунгало укладывались спать. Подопечные Шимицу, как выразился бы Ярич, перед сном «шныряли до ветра». На одном из грузовых мотоциклов перед отъездом из Соммерса техники смонтировали кабинку походного клозета. Незаменимая и очень удобная штука, хотя и слегка увеличивающая габариты кара.

Постепенно все угомонилось. Бунгало затихло. Джей сидел, привалившись спиной к упругой стенке кокона. Левым ухом он прислушивался к странным звукам, издаваемым цикадами, в правом у него торчала чечевица наушника сигнальной системы. Темнота сегодня была бархатной и абсолютно, ну совершенно, непроницаемой, обостряющей все чувства, кроме зрения.

Из темного бунгало кто-то вышел, наверное, очередной гидролог до ветру. Фонарики в подошвах его ботинок освещали мох и неясно очерчивали его... явно женскую фигуру. Интересно, Росария или Эльза? Внезапно Джей почему-то подумалось, что будь дело в середине двадцать первого века, девушка наверняка пописала бы прямо у входа, не заморачива-

ясь походами к туалетной кабинке. К счастью или несчастью, новое пуританство двадцать второго века сделало нас менее притязательными и более целомудренными. Для того чтобы опять надеть мини-юбки, понадобился Поль Леру, а для того, чтобы снова раскрепоститься в сексуальном плане, – третья сексуальная революция. Хотя вторая больше походила на интервенцию.

Ботинки нерешительно потоптались у входа и повернули направо, к кокону Джея, а не влево, к колонне мотоциаров.

– Эй, – тихонько позвал Джейслав. – Осторожно, здесь бревно.

Он протянул руку за спину и включил световую панель над входом в кокон.

Да, это была Росария. Она перешагнула бревно и, осторожно ступая по моховой подстилке, подошла к сидящему мужчине вплотную.

– Почему вы разбили палатку в стороне от всех? – спросила девушка.

Джей пожал плечами:

– Выполняю свою работу. Так мне удобнее.

– А можно, я с вами посижу?

Джей подвинулся, освобождая место под световой панелью.

– Не спится?

Росария кивнула, опускаясь на податливый мох и вытягивая ноги.

– Слишком много впечатлений, – сказала она почти шепотом и спросила, указывая куда-то в сельву. – Слышите? Еще вчера хотела спросить, что это такое?

– Цикады поют, – сказал Джей.

– Цикады, – повторила девушка. – Прямо как в опере, Ковент Гарден...

– Я слишком давно не был в опере, – сказал Джей.

– Наверное, – невпопад согласилась Росария. – А здесь всегда так?

– Как?

– Опасно.

– Обычно, нет.

– Этот гризли... – Росария передернула плечами. – Марсель еще про разную гадость рассказывал, – она добавила, словно извиняясь. – Он все-таки биолог, а я буровик...

– Гризли встречаются не так уж часто, – сказал Джей. – Тем более, что если реального гризли не спровоцировать, он вряд ли нападет. Есть и другие опасные животные, но ведь и в Манаусском заповеднике на Амазонке вас может запросто укусить змея.

Видя, что его слова не производят на девушку должного впечатления, Джей добавил:

– Трикстера интересна не фантастической концентрацией сверхопасных хищников, а фантастическим количеством мимикроформ, которые только и делают, что стараются надуть наблюдателя. А хищников здесь не больше, чем в других местах, поверьте мне.

Росария вздохнула.

– Тем более, я вооружен, – продолжал Джей, – и у Шимицу есть ружье, а по периметру стоянки я поставил сигнальный контур. Если что-нибудь крупное или опасное его пересечет, мы сразу получим сигнал.

– А как ваш контур отличит опасное от неопасного? – спросила Росария, заглядывая собеседнику в глаза. – Они ведь здесь все притворяются.

Джей улыбнулся:

– Здесь опасные наземные хищники, как правило, достаточно крупны.

Девушка задумалась:

– Если эти ваши колобусы собрались в целого гризли, то почему бы какой-нибудь хищной твари не разобраться на три десятка безобидных зверушек?

– Тигровый питон Мэнсона примерно так и делает, – сказал Джейслав, – подбираясь к жертве, делится на сорок – пятьдесят кусков. Но питоны водятся гораздо восточнее, и потом,

фрагменты их тела совсем не автономны, они соединяются нитями нервной ткани, а наша охрана отслеживает такие нюансы. Причин для беспокойства нет... Я притушу светильник? А то местные букашки любят свет.

– Конечно, – поспешно согласилась Розария. – А здешние букашки не опасны?

– Нет, если не летать над деревьями, – Джей провел пальцем по панели, приглушая свет.

– И ползучая мелюзга?

– Нет... Хотя муравьи имеют обыкновение подтачивать хлыстовник, и если нечаянно оказаться рядом...

Девушка рассмеялась.

– Да вот, посмотрите на ваши ботинки, – Джей подался вперед, и Росария, демонстрируя отличную растяжку, тоже нагнулась к своим ногам. – Видите на носках ботинок синие и розовые искорки?

– Ага, – зачарованно проговорила молодая женщина.

– Это и есть мелюзга.

– И что же они делают?

– Трахаются, в основном, – Джей смущенно кашлянул. – Извините за жаргонное слово.

– На моих ботинках?!

– Их привлекает свет.

– А почему одни светлячки синие, а другие красные?

– Два разных вида. Синие хотят трахнуть и привлекают синих. Красные тоже привлекают партнеров, но вместе с тем охотятся, притворяются синими, чтобы подманить добычу.

Девушка еще чуточку нагнулась вперед, всматриваясь в россыпь светящихся точек:

– А вот этот мигает то красным, то синим.

– Разрывается между сексом и обедом.

Росария опять засмеялась.

– А как мне их потом прогнать? – спросила она.

– Стряхните носовым платком.

– Ой! – испуганно сказала девушка и отшатнулась назад.

Возникшая из темноты острая мордочка Чака бесцеремонно обнюхала ее штанины.

– Не бойтесь, – сказал Джей. – Вы ему нравитесь.

Росария осторожно протянула руку, и Чак ткнулся ей носом в ладонь.

– Холодный, – сказала девушка с тихим восторгом. – Как они называются?

– Они называются псовые индри.

– Забавный, – Росария погладила Чака по голове. – А они кем притворяются?

Джей поправил наушник в ухе:

– В том-то весь фокус, что никем.

– Расскажите мне про них, – попросила Росария.

– Все, что мы про них знаем, пока очень приблизительно.

– Ну, пожалуйста.

Джей взъерошил рукой короткие волосы:

– Да это, собственно, общеизвестно, – сказал он. – Индри, как волки, живут семейными кланами: мать, отец и детеныши. Клань объединяются в стаи. От двадцати до трехсот семейных кланов в стае, плюс молодняк. Охотятся на антилоп, на синих жирафов, помимо мяса едят фрукты и съедобные корни. В этом плане их правильнее назвать всеядными. У них довольно ловкие пальцы, вроде как у земных енотов, во время бега они умеют их поджигать, – Джей поскреб затылок. – Похоже, у них достаточно сложная социальная организация. Есть охотничьи вожаки, это как правило сильные крупные самцы, а есть вожаки вообще,

скажем так, организаторы бытового уклада всей стаи и это, если мы не ошибаемся, старые опытные леди. Вся остальная информация про индри – на девяносто процентов догадки.

Чак улыбнулся, демонстрируя острые крепкие зубы.

– А что же с мимикрией? – спросила Росария.

– Трудно сказать. По некоторым источникам совсем маленькие индри охотно мимикрируют подо что угодно, а с возрастом либо утрачивают способность к трансформации, либо почему-то перестают ею пользоваться. По крайней мере, случаев явного метаморфизма у взрослых индри не замечено. Но, повторяю, это большей частью непроверенные предположения. Их очень сложно изучать.

Чаку надоело толкаться возле людей, он высоко подпрыгнул на длинных пушистых лапах и скрылся в темноте.

– Марсель говорит, что их очень трудно поймать, – сказала Росария, провожая взглядом тающий в темноте хвост.

– Да, непросто, – согласился Джей.

– А как вы поймали Чака?

Джей пожал плечами:

– Я его не ловил. Он сам пришёл из сельвы. Однажды я открыл центральный шлюз и увидел щенка. Мы с Анной выхаживали его почти два месяца. Из соски молоком поили...

– Вот это мне и нравится в тебе, – сказала Росария каким-то особенным голосом. – Ты надежный. Такая редкость в наше время...

Девушка быстро придвинулась ближе, ее крупная ладонь легла на бедро мужчины.

«Вот этого мне только и не хватало», – подумал Джей.

– Госпожа Маркес, – проговорил он, слегка отстраняясь.

Он видел только абрис лица, но почувствовал, что девушка улыбается.

– Как официально, – сказала она с игривыми нотками. – Зови меня Роси... Можно Роси переночевать в твоей палатке?

Джей почувствовал на щеке горячее дыхание.

– Нет, – сказал он отчетливо и, чувствуя, что его не понимают, добавил неприятным голосом. – Роси, вы не в моем вкусе, идите спать в бунгало.

Росария моментально разозлилась. Негодуя засопев, она вскочила на ноги и, пытаясь сориентироваться в слабом свете, завертела головой.

– Спальня вон там, – сказал Джей, указывая пальцем в ту сторону, где должен был находиться походный купол. – И не забудьте стряхнуть мелюзгу с ботинок.

С трудом поборов желание пнуть Джей Вагоша в голень, Росария развернулась и зашагала в крошечную тьму. Джей опустил на глаза очки. Он видел, как обозленная девушка, высоко вскидывая ноги, быстро идет к бунгало.

– Эй! – шепотом крикнул Джей.

Но красавица, летевшая на всех парах, уже запнулась о выпотрошенный муравьями ствол хлыстовника и едва не упала.

Джей усмехнулся.

Рассерженная девушка добежала до пузыря и нырнула под мембрану шлюза. Мужчина удовлетворенно качнул головой, сдвинул очки на лоб и достал син-син. Связи по-прежнему не было, ни сommerсом, ни с биостанцией, зато охранный периметр, судя по голографической картинке, работал исправно. Джей погасил экран, затем прислонился спиной к упругой стенке кокона и прикрыл глаза.

Роси... Росария Маркес... Что за дурацкая манера искать секса с «белым охотником»? Завтра девчонка, конечно же, будет злиться, как среда на пятницу. Ну, да это ничего. Это плевать... А цикады сегодня действительно поют как в опере.

Глава 4

Между краями ущелья было метров двадцать или около того, и гигантская зеленая анаконда, висящая над стометровой пропастью, поражала воображение. Толстое, не меньше полутора метров в обхвате, тело медленно выползало из зарослей на той стороне обрыва и струилось над пропастью, будто шнек винтового конвейера. Несмотря на расстояние, отделяющее наблюдателей от змеи, в воздухе висел отчетливый шорох миллиона трущихся чешуек.

Джей прикрылся козырьком ладони от солнца. Его спутники, выбираясь из кабин мотоциклов, потрясенно наблюдали за чарующим движением зеленых колец. Даже Хорек, уже видевший ущелье, напрочь забыл о своем имидже прожженного старожилы.

Джейслав покосился на Росарию. Роси стояла у соседней машины рядом со всезнайкой Марселем. Вытянувшись и приоткрыв полные губы, девушка, не отрываясь, наблюдала за удивительным зрелищем.

Вопреки вчерашним опасениям, неудавшаяся соблазнительница все утро вела себя так, будто вчера ровным счетом ничего не случилось, улыбалась, словно хорошая актриса, болтала на отвлеченные темы и даже не старалась обходить Вагоша стороной. Джей с трудом подавил в себе соблазн поинтересоваться насчет букашек на ботинках и с некоторой горечью подумал о том, что люди в сущности мало отличаются от трикстеррианских симуляк, их не нужно уговаривать притворяться, если речь идет о жратве или сексе.

– Что это? – широкоскулая Эльза с густыми модифицированными волосами цвета вороненой стали тронула Джейслава за рукав.

– Муравьи, – сказал Джей. – Миграция.

– А как же они?..

Угадав смысл незаданного вопроса, Джей протянул руку:

– Смотрите сами. Поток сейчас иссякнет.

Змеиный хвост и в самом деле стал ощутимо тоньше, и теперь можно было вполне отчетливо рассмотреть ствол хлыстовника, перекинутый над обрывом.

Предвосхищая новый вопрос, Джей сказал:

– Если им нужно перебраться через ущелье, они подтачивают дерево и роняют его на ту сторону.

На лице Эльзы отобразилось недоверчивое восхищение.

Жиденский муравьиный арьергард, иссякая, полз по прогнувшемуся стволу, догоняя основные силы муравьиной армии. Концерт, похоже, был окончен.

Шимицу приказал всем грузиться в машины. Вздуродраженные невиданным зрелищем гидрологи и буровики полезли в мотоциклы, и маленькая колонна, слегка растягиваясь, осторожно двинулась по краю Кроличьего ущелья на юго-восток. Сбитые с толку вечными возмущениями магнитного поля компасы, как всегда, показывали полную ерунду, но, имея такой ориентир, как многокилометровая трещина в скальном основании, сложно заплутать.

Шимицу был жутко доволен, Джей не только безошибочно нашел ущелье, но и вывел к нему караван совсем рядом с мостом. Теперь они были в каком-нибудь часе езды от переправы – нешуточный повод для веселья.

Машины, гудя моторами, сочно перемалывали колесами хрупкие желтые камни. Справа от идущей колонны высилась близкая стена сельвы, опасливо лизавшая край ущелья широкими языками светло-зеленого мха, слева обрывались в бездну изрезанные трещинами склоны. Кроличье ущелье тянулось на сто семьдесят километров, начинаясь в предгорьях хребта Тэнгу и теряясь где-то на плато Тануки. Оно то сужалось, превращаясь в узкую трещину, то раздвигало свои края на несколько километров.

Джей аккуратно вел мотокар по узкой каменистой дороге. Ошьяные шипомордники, открывшие сезон охоты на гекконов, караулили теплолюбивых ящерок, лежа на солнцепеке и притворяясь кусками желтой породы. Когда широкое колесо мотокара приближалось к такому булыжнику, он вдруг оживал и опрометью кидался прочь, вызывая неизменный восторг у Эльзы, устроившейся на заднем сиденье. Чак тоже вскидывал голову, но, оценив малую пищевую ценность бегущей добычи, быстро терял интерес.

Каменная дорога сделала плавный поворот, и путешественники наконец увидели мост. Две арки из серого феррогласа изгибались над пролетными балками, соединяясь с ними пугающе тонкими спицами ветолекулчатных расколов. Виадук висел над темной расщелиной пропасти вопиюще чужеродный и даже нелепый. На той стороне ущелья сельва, подступавшая к самому краю обрыва, напознала на композитные конструкции, обметав их зеленым налетом мха, оплетая бродячими лианами. Она изо всех сил старалась ассимилировать, растворить в себе враждебное творение, и мост, казалось, выползал из неопрятной зелено-вато-желтой муфты, словно змея из своей кожи.

Возникший образ змеи повернул мысли Джея в другое русло, и он вдруг подумал, что зеленые муравьи никогда не пользуются человеческим мостом как дорогой для переправы, предпочитая неделями точить стволы хлыстовника. Мысль была настолько интересной, что Джей вытасил син-син и зафиксировал ее в папке перспективных тем для научной программы.

* * *

Строители, возводившие мост, знали свое дело. Машины въезжали на плиту настила, словно масло на горячую сковородку. Первым шел двухместный мотокар Джея, потом грузовой «макси» с Бадом Картером, за ним ехали Марсель с Росарией, четвертую машину вел Хорек, следом шел мотокар с автоматическим управлением, в него решили на всякий случай посадить ихтиолога Нельсона, который не умел водить, но мог в случае чего нажать на тормоз. Замыкал всю процессию Шимицу на втором из двухместных «мини».

Джей осторожно давил педаль газа (на технике, работающей во внеземелье, сенсорные педали обычно меняют на механические, считая их более надежными), и кар испуганной черепахой полз вперед, подрагивая узким корпусом.

Четырехметровое полотно проезда не кажется широким, когда под тобой стометровая пропасть. В силу особенностей своей первой профессии Джей не боялся высоты, ему приходилось много летать с джетом, десантироваться с больших высот, заниматься альпинизмом и прочая, и прочая, но все же на узком и достаточно длинном мосту даже ему было не по себе. А что до сидевшей сзади Эльзы, то та изо всех сил цеплялась за боковые ручки водительского кресла. Похоже, ей было очень страшно.

Чак, сидевший у левой ноги партнера, тянул шею, с интересом разглядывая пропасть. Его рот приоткрылся, обнажая два ряда веселых острых зубов. Джей на всякий случай положил ладонь щенку на голову, и сам невольно покосился влево, за тонкие стержни расколов.

Почти отвесные склоны каньона, исполосованные пластами спрессованных пород, пропитанные сумерками вечной тени, спускались вниз, в стылую глубину, где мчалась, беснуясь, сжатая каменными стенами река. Джей подумал, что было бы, наверное, здорово прыгнуть туда, вниз, с ранцем и еще подумал, что вода там, должно быть, холодная, как лед из морозилки.

На раскосах появился налет зеленой патины. Постепенно становясь все плотнее и мохначе, налет ковром расползлся по проезжей части, толстыми валиками взбираясь на бордюры отбойников. Колеса с рельефным протектором прокручивались, срывая это странное махровое покрытие. Мотокар с пчелиным гудением упорно полз вперед и, наконец, кач-

нувшись на рессорах, съехал на твердую, заросшую все тем же мхом почву. Женщина на заднем сиденье явственно перевела дух.

Джей немного отъехал от края обрыва и остановился, поджидая остальных. Чак немедленно выпрыгнул из машины. Щенок принялся деловито принюхиваться, а Эльза завопилась на заднем сиденье, отстегивая страховочные ремни, потом, перегнувшись вперед, спросила еще неровным голосом, отчего ущелье называется Кроличьим.

– Братец Кролик – великий обманщик, – сказал Джей. – Причуды первых картографов. Так уж здесь повелось.

– А-а, – протянула Эльза.

Мотокары медленно перебирались с измазанного давленной зеленью феррогласа на твердую землю. Удостоверившись, что переправа прошла без всяких осложнений, Шимицу велел трогаться дальше, и колонна опять углубилась в сельву. До купола Рибейры оставалось чуть более суток.

* * *

Во второй половине дня путников накрыл короткий, но мощный ливень, без обычной в этих краях грозы. Капли, сливаясь в струи, сплошным потоком рушились с неба в просветы между деревьями и моментально впитывались в набухающий влагой мох. Дождь на короткое время сбил жару и прибил к земле летавший по воздуху цветной пух. В воздухе пахло влажной корой. Маленькие ящерицы-золотухи, замерев на месте, распускали широкий зонт на шее, становясь совершенно прозрачными, в цвет падающей вокруг воды.

Дождь закончился так же быстро, как и начался. Колонна шла вперед, время от времени объезжая поваленные и выеденные муравьями стволы. Массив хлыстовника стал много реже, а к вечеру в нем стали появляться камышовая акация с серебряной драценой. «Уже и озером пахнет», – сказал Шимицу, радостно принюхиваясь.

Перед самым закатом разбили последнюю стоянку. Джейслав в третий раз за поход установил охранный периметр. Серые тени уже сгущались между стволами деревьев, когда в сопровождении деловито скачущего впереди индрии проводник вернулся к общему куполу. У входа в тамбур-шлюз хлопотала Роси. Пока Джей ставил свой кокон с наветренной стороны от бунгало, она исчезла внутри пузыря. Появился Марсель и предложил помощь, от которой Вагош вежливо отказался. Затем мимо палатки прошла Эльза, посмотревшая долго и многозначительно. Неловко усмехнувшись про себя, Джей вдруг подумал, что визит второй амазонки будет чистейшей воды анекдотом, но, слава богу, соблазнение белого охотника, как видно, не входило в планы крепкой девушки с иссиня-черными, гладкими, как пластик, волосами.

К тому же ночь выдалась беспокойной, и помнить о прекрасных соблазнительницах было просто недосуг. Охранный контур четырежды сообщал Джею о нарушении, и каждый раз Джей, по инструкции, будил Шимицу и шел проверять сигнал. Дважды биосканы среагировали на испугнутое стадо антилоп-бонго, один раз по самому краю периметра проползла молодая манта (Джей видел во мху светящиеся следы ее секретиции), еще один раз какая-то здоровенная тварь прошла к востоку от бунгало. Джей видел на син-сине громоздкий сутулый абрис, волочащиеся по земле руки и условно окрестил тварь гориллой, но определить, что же это такое, не смог. В купол не полезла, и ладно. Принцип взаимного нейтралитета.

Ночь ушла, оставляя во рту кислый привкус железа. Шимицу разбудил своих гидрологов-буровиков ни свет ни заря, впрочем, никто не протестовал. И старожилам, и новичкам не терпелось поскорее добраться до купола.

К полудню они вышли к озеру Большой Караконджулы и сразу двинулись вдоль побережья, прокладывая дорогу в зарослях мангровой пальмы. Не прошло и трех часов, как

исследовательская станция Рибейры наконец предстала перед путниками в своем полном великолепии.

Купол стоял прямо на озере. Двухсотметровая лента подвесной дороги соединяла его с небольшим пляжем из синтолитового камня. Станция, рассчитанная на полсотни ученых и техников, была не слишком велика, куда меньше огромного Соммерса, и со стороны напоминала серого, матово блестящего осьминога с растопыренными щупальцами. Отростки причалов, консоли для сбора образцов и установки приборов, шлюзы для выхода аквалангистов, ангары для скутеров, ангары для подводных роботов... Если смотреть сверху, то сходство с головоногим становилось совершенно разительным.

Шимицу уже умудрился связаться с Рибейрой по радиации, и в куполе их ждали. Семь или восемь цветных комбинезонов торчали на ленте трапа. Когда первые машины появились между деревьев, встречающие вразнобой и радостно заорали что-то плохо различимое и замахали руками.

Первый мотокар вполз на гремящие мостки, за ним второй... Потом третий. Джей замыкал колонну. Его левая рука легко двигала баранку штурвала, правая – чутко сжимала рукоять лежащего на коленях штуцера. Прибытие к конечной цели всегда необычайно важный момент для человека, отвечающего за безопасность группы.

На памяти Джея имелось достаточно печальных примеров, когда исследователи или колонисты гибли буквально в трех шагах от шлюза.

Нос мотокара скакнул вверх, и машина, сосредоточенно гудя, полезла по пологому пандусу на мостки. Встречающие заглядывали в идущие впереди кары, хлопали по чьим-то плечам, улыбались, трясли чьи-то руки. Джей ехал, чуть приотстав и от спутников, и от хлебосольных куполян.

Он въехал в просторный шлюз вслед за последним «максом», груженным провизией. Тяжелая плита двинулась вправо, перекрывая входной проем. Когда она с щелчком встала на место, Джей наконец выдохнул из себя воздух и поставил ружье на предохранитель. Теперь можно было расслабиться.

Придерживая Чака за ошейник, Джей вылез из мотокара. Его тут же похлопали по плечу, стиснули локоть, сунулись к нему радостно улыбающейся физиономией в зарослях густой пятидневной щетины. Чак, ошалевший от такой концентрации незнакомых людей, жался к ногам.

– Все нормально... Все мэджи... Просто отлично... – бормотал Джей, пожимая чьи-то руки: в Рибейре любили гостей. – Доехали без эксцессов... Это Чак... Нет, не кусается, если пальцы в пасть не совать... А где Пуцин?

– Пуцин подойдет часа через два.

Джейслав повернулся и увидел лицо Аверина.

Они обнялись.

– Давненько ты у нас не был, – приговаривал директор по снабжению станции, хлопая Вагоша по спине. – Как дошли?

– Нормально.

– Ты надолго к нам?

– Нет, – Джей потер лицо ладонью. – Отдохну, отосплюсь и уйду максимум послезавтра.

– Что за спешка? – проговорил Аверин. – Сейчас мы ужин сообразим такой, что закачается, и унд грамм настоящей самогонки. Вайбург приловчился из местного тростника бражку ставить и потом ее перегонять. Бонусная штука! В пятницу ребята собираются на охоту. Котлеты из бонго. – Аверин закатил глаза. – М-м-м. Неужели пропустишь?

Джей широко и сонно улыбнулся.

– Спать... – Он помотал головой. – Сперва спать. Остальное потом обговорим. Мне нужна отдельная каюта и постель. Двенадцатая свободна?

– Свободна, – сказал Аверин немного разочарованно. – Щенок у тебя славный...

– Да, и Чаку пару банок консервов мясных... Он любит... – Джей все больше расслаблялся, чувствуя, как тяжелеют его веки. – Он, зараза, будет ко мне в каюту лезть, так вы его не гоните... Только пусть кто-нибудь с утра его выведет погулять... «до ветру»...

– Прослежу, – пообещал Аверин. – Пущин хотел с тобой поговорить.

– Потом, – сказал Джей. – Все потом. Сейчас спать...

«Приму сразу три таблетки „рекса“, – подумал он с каким-то тягучим наслаждением. – Нет. Три будет много. Приму две. А Чак будет сидеть рядом с кроватью перед аккуратно вылизанной пустой консервной банкой, а водичка будет плескаться под самым окном. Чертовски жаль, что окна не открываются...»

– Тогда пошли, – со вздохом сказал Аверин. – Провожу тебя.

Он обернулся к Чаку и призывно похлопал себя по ноге.

Глава 5

Джей запел из озерного купола утром. Несмотря на всю свою решимость, ему все же пришлось провести в Рибейре три ночи. Сутки ушли на сон (он мог проспать и дольше, но сутки были необходимым минимумом), а потом ему действительно пришлось переговорить с Пушиным, и, как следствие этого разговора, времени на сборы понадобилось намного больше, чем он намечал.

Теперь Джейслав двигался берегом озера, направляясь на юго-восток. Впереди него катил, прокладывая дорогу в мангровых зарослях, маленький кибер-шерп, груженный большой канистрой воды и еще кой-какими съестными припасами. Чаку кибер активно не нравился, и индрии, совершая сложные эволюции вокруг двуногого друга старался обегать робота стороной.

Этого шерпа Джею навязал Аверин. Вообще директор по снабжению пытался всучить ему мотокар, от которого Джей отбоярился всеми правдами и неправдами. Возвращаясь он пройденной дорогой через виадук, мотокар, возможно, и пригодился бы, но Джею предстояло идти восточным маршрутом, через малый подвесной мост, и здесь кар мог скорее затормозить его продвижение, чем ускорить. В конце концов в спор вмешался Пушин и сказал: «Оставь человека в покое. Если он говорит, что ему не нужен кар, значит, кар ему не нужен. Я знаю, как он ходит по сельве, за ним ни на каком каре не утонишься». Пушин чувствовал вину, поскольку Джею предстояло давать изрядный крюк по его просьбе. Двое работников станции ушли в Коммерс, но до места так и не добрались. Задержка выглядела достаточно тревожно.

Дело обстояло так: как только стало известно, что «Аскалон» входит в звездную систему, Пушин связался с Коммерсом, ближайшей базой, имеющей посадочную площадку, и попросил прислать проводника для сопровождения Шимицу и нескольких сотрудников с истекшими контрактами. Вообще-то на Рибейре имелся штатный проводник – Женя Зимин, но его Пушин собирался отправить с гидробиологом Стефаном Грочком на Малую Караконджулу для индикации нескольких автоматических донных лабораторий. После снятия всех показаний и изъятия микрообразцов Грочек и Зимин своим ходом отправлялись к куполу Коммерса, где Грочек, прикомандированный к новой лаборатории, и оставался, а Зимин должен был вернуться на Рибейру вместе с Шимицу и новыми людьми. Пушин называл эту комбинацию «убить двух зайцев».

На Коммерсе поворачали, но проводника отправили. Через четыре дня Николайцев пришел к озеру. Немного отдохнув, он увел группу Шимицу к Коммерсу. В тот же день ушли Грочек и Зимин. Их путь, учитывая крюк до Малой Караконджулы и проверку лабораторий, должен был занять дней шесть-семь, никак не больше. Но прошло уже две недели, а об ушедших не было ни слуху ни духу. У Зимина имелся аварийный комплект радиоракет, но никаких сигналов радисты Рибейры не принимали, хотя и работали в экстренном режиме.

Организовать поиски Пушин не мог. Трое добровольцев дошли через озеро Восточное до Малой Караконджулы. Стало ясно, что проводник с биологом были возле автоматических лабораторий, провели индикацию и ушли на маршрут. Добровольцы просили разрешения дойти до подвесного моста, но Пушин запретил. Как узловой директор станции он отвечал за все последствия неосторожных решений и знал, что двое пропавших в любом случае лучше, чем пятеро. На помощь из Коммерса рассчитывать тем более не приходилось. Зато, когда стало ясно, что Шимицу ведет не Мортимер и не Николайцев, а Джей Вагош, Пушин страшно обрадовался. Он знал Вагоша сто лет и очень на него рассчитывал, ведь ситуация была более чем нехорошая. Вместе с тем теперь Пушин чувствовал себя крайне неловко, понимая, что использует личные отношения. Не очень уверенно он попытался предложить

в спутники Валентина Скарнетти, неплохо знавшего окрестности озера. На что Джей ворчливо ответил, что не собирается без конца водить людей из Коммерса в Рибейру и обратно.

Полагая вопрос окончательно решенным, он уже собрался уходить, но Путин его остановил.

– И вот что еще, – немного конфузясь, проговорил директор. – Три дня назад мы получили переданный с атмосферной радиоракеты зашифрованный массив информации...

Уже поднявшийся было Джей опять сел в кресло.

– Я обязан поставить в известность всех работников, отвечающих за безопасность купола. – Путин барабанил пальцами по столу, – а так же всех полевых наблюдателей.

Джей приподнял брови. Путин кашлянул.

– Центральная предупреждает нас о возможности терактов, – сказал он и уставился на Джея.

«Вот тебе и Фил Розенштейн», – ошарашенно подумал Джей.

– Велика вероятность применения боевых психотропных веществ типа «inside hupno», – продолжал Путин. – На Центральной думают, что главная цель террористов – проникновение в крупные купола под видом сотрудников.

– А на чем базируется информация? – спросил Джей.

Узловой развел руками:

– Этого мне не сообщали. Может, начальство боится в связи с прибытием крупной шишки, а может, и нет... По крайней мере, будешь в сельве, смотри в оба. Пусть Аверин укомплектует тебя всем необходимым. И еще, имей в виду, на ночь глядя я тебя не выпущу.

– Это я уже понял, – сказал Джей, поднимаясь.

Беседа с Путиным состоялась вчера, а сегодня Джейслав Вагош в компании щенка индрии и робота шерпа шагал по берегу, вдыхая слабый запах тины и время от времени возвращаясь мыслями к этому разговору, оставившему в душе пренеприятнейший осадок.

Заросли мангровой пальмы внезапно закончились, зелень, пучки травы и цветной мох отступили от воды, обнажая сглаженную временем и волнами скальную плиту, полого уходящую в воду. Плита тянулась на несколько километров, образуя неширокий серый пляж.

Джей шагал вперед, наблюдая за мягким бегом киберносильщика. Время от времени Чак, успевший привыкнуть к маленькому механическому жуку, тащившему канистру с водой, проносился мимо Вагоша по самой кромке воды, чтобы через тридцать шагов нырнуть в заросли кустарника, сделать круг и опять промчаться по каменному берегу.

– Стоп, – внезапно проговорил Джей, поднимая руку.

Кибер остановился почти мгновенно, щенок затормозил всеми четырьмя лапами и завертелся на месте.

– Так, – сказал Джей сам себе, – вот здесь они, судя по всему, и свернули от озера на северо-восток.

Наметанным глазом он внимательно рассматривал следы недавнего вторжения в сплошную стену невысокой растительности. Просеки на Трикстерре зарастают очень быстро, но внимательный и опытный человек вполне может определить их местоположение.

– Несомненно, – Джей, щурясь, поглядел на зеленоватую спокойную воду, потом взгляд его перебежал на заросли со следами взлома, потом снова на воду.

Секунду поколебавшись, Джей стянул с плеч лямки рюкзака и начал расстегивать замки комбинезона. Чак, склонив голову набок, с интересом наблюдал, как одежда ровной стопкой ложится на камень рядом с рюкзаком. Плавки упали на оранжевую ткань «сафари дистанта» последними.

Шерп стоял в сторонке, там, где его застала команда человека, деликатно отвернув плоскую голову. Совершенно голый Джей присел возле рюкзака, достал из карманчика с клапаном упаковку таблеток «биобарьер», называвшихся на жаргоне техников «баро», и бросил

пару капсул в воду. «Террористы меня бы точно не поняли», – подумал он, с наслаждением погружаясь в прохладную воду.

Глава 6

Рильза от крупнокалиберного карабина лежала, зарывшись в ворсистый мох, на самом краю поляны. Джей, присев на корточки, какое-то время рассматривал ярко-желтый цилиндр, потом осторожно взял его двумя пальцами, поднес к лицу и понюхал. Стреляли достаточно давно, наверняка экспансивной пулей «share-shunk».

Чак, рывший носом мох несколькими шагами впереди, призывно засвистел. Индри умеют издавать разные звуки от приглушенного кашляющего потягивания до фыркания, щелканья и свиста разной интенсивности. Этот свист, издаваемый целой стаей взрослых индри, переходит в нечто похожее на пронзительный вой. Несколько раз Джей приходилось слышать подобные концерты, и он знал, что это производит сильное впечатление, особенно ночью.

Джей обогнул замершего кибершерпа и подошел к Чаку. Еще одна гильза. Точь в точь как первая. Одобрительно потрепав индри по загривку, он автоматически передвинул штуцер поудобнее и на всякий случай снял его с предохранителя. Не так давно здесь стреляли и девяносто шансов из ста были за то, что стреляли Зимин и Грочек.

Сжимая в левой ладони две гильзы, Джей поднялся на ноги. Он шел по следам пропавших людей Пушина уже двое суток. За подвесным мостом их пути запросто могли разойтись, но встречавшиеся время от времени приметы недавнего присутствия человека, а теперь две стреляные гильзы не оставляли сомнений: он движется в правильном направлении.

Стараясь примечать малейшие подробности, Джей озабоченно осмотрелся по сторонам. Его окружала типичная «кружевница». Густые рощицы старого хлыстовника перемежались маленькими полянами. Наверное, если смотреть сверху, это действительно напоминало нечто вроде салфетки брюггского кружева, узоры разной плотности, соединенные подлеском из пихтового папоротника. Для быстрого передвижения такие участки весьма удобны... и все же... Джей шел через кружевницу больше двух часов и все это время ощущал себя не в своей тарелке. Он никак не мог избавиться от ощущения чужого взгляда, пристально и неотступно изучающего его спину. Несколько раз он неожиданно оборачивался, но ничего ни разу так и не заметил. Немного успокаивало то, что Чак вел себя как обычно, не настораживался, ни на кого не делал стойки. И все же...

«Стоп», – неожиданно подумал Джей. Его взгляд быстро вернулся к древесному стволу, с которого соскользнул четверть секунды назад. А это что такое?..

Обходя невысокие мягкие метелки папоротника, Джей двинулся к привлечшему его внимание дереву. Он остановился в шаге от светлого ствола, заляпанного странными бурыми пятнами. Перебирая в мозгу все известные ему грибки и поверхностные лишайники, Джей-слав нагнулся ближе. Он смотрел почти минуту, все больше убеждаясь, что перед ним засохшие следы крови. Словно кто-то раненый то ли лез на дерево, то ли цеплялся за ствол, когда его пытались тащить прочь. Вот же зараза... С другой стороны, не факт, что кровь человеческая. Весьма вероятно, что Зимин или Грочек стреляли в какую-то тварь... Стреляли и попали... М-да... Не очень хотелось думать, что засохшие кровавые пятна оставил Женья Зимин или Стефан Грочек.

Неслышно подошел Чак. Он с любопытством повел носом в сторону коричневых пятен, и Джей с сожалением подумал о том, что штатным проводникам и полевым исследователям полагаются син-сины с внешним химическим сканером. У Жени Зимина наверняка именно такой висел на поясе. Чак сосредоточенно обнюхал дерево, наверное делая какие-то свои выводы. «А у этого парня штатный сканер всегда под рукой, – подумал Джей, с нежностью покосившись на щенка, – или перед глазами, только про результаты анализа его не

спросишь». Он задумчиво ковырнул бурое пятно ногтем чуть ниже того места, где отпечаталась сильно смазанная человеческая пятерня, а может, и не пятерня вовсе...

Шерсть на загривке индри вдруг стала дыбом. И в ту же секунду Джей почувствовал чужого. Он не успел заметить, как Чак развернулся вокруг своей оси. Только что щенок нюхал дерево и вот уже стоит на полусогнутых, разведенных лапах, голова у самой земли, полосатый хвост подрагивает между ногами. Джей выпустил стреляные гильзы из левой руки. Пока желтые цилиндры, кувыркаясь, падали в мох, Вагош успел повернуться. Тварь была совсем рядом (два десятка шагов, не больше) и преогромная...

Голова Джея еще пыталась судорожно осознать происходящее, а руки, жившие своей независимой жизнью, уже скидывали с плеча, поднимали и направляли ствол штуцера на оскаленную морду. Чак угрожающе зарычал и попятился. Джей тоже шагнул назад, чувствуя, как холодеет в животе. Ничего подобного ему встречать пока не приходилось. Массивное, но в то же время гибкое тело, почти три метра в холке, серая шерсть в неопрятных разводах, огромная продолговатая, угрожающе наклоненная голова с отвратительно задраным кверху мягким носом, безгубая от уха до уха пасть, часто усаженная треугольниками зубов, и мутные пустые глазки, торчащие по бокам головы на коротких мясистых отростках. Больше всего животное напоминало акулу. Непостижимо, как такая туша могла подкрасться настолько незаметно.

Акула качнулась и прерывисто вздохнула, казалось, она раздумывает, нападать ли на непонятную двуногую добычу. Обострившимся зрением Джей видел, как маленькие глазки моргнули, подергиваясь серой осклизлой пленкой. Тварь чуть присела на мощных носорожьих лапах, и Вагош немедленно выстрелил. Он метил в середину хищной акульей головы, надеясь, что пуля сорок пятого калибра пробьет кость и что мозг у этой дряни именно в голове. Было бы логичнее стрелять в корпус, но проклятая башка закрывала всю грудную клетку, а стрелять по ногам Джей не решался, справедливо опасаясь промазать.

Пуля попала в точности туда, куда он целил. Джей увидел, как брызнул бурыми ошметками акулий череп. Еще он углядел, что огромная тварь рванула вперед, не обращая на выстрел никакого внимания, и еще, что Чака больше нет возле его правой ноги. Вот только думать об этом стало уже недосуг. Акула в два прыжка преодолела половину расстояния, отделявшего ее от человека. За это время Джейслав успел выстрелить еще трижды.

Наверное, последний выстрел зацепил-таки какой-то из нервных узлов, поскольку тварь на долю секунды сбилась, потеряла ориентацию перед новым прыжком, и Джей сломя голову кинулся в заросли хлыстовника...

* * *

«Уже лет шесть не влипал в подобное дерьмо», – думал Джейслав, медленно поворачивая голову вслед за акулой. Тварь в сто пятьдесят пятый раз закладывала медленный круг вокруг импровизированного убежища. Две дюжины стволов хлыстовника, и Джейслав Вагош в самой середине растительной крепости, как жирный вкусный мозг в сердцевине бедренной кости, как главный приз ежегодной спортивной лотереи.

Время от времени акула предпринимала очередную попытку пролезть между парой деревьев, но хлыстовник рос слишком часто, и зубастая дрянь продолжала свой настырный косопалый вальс. «Может, у нее голова закружится?» – отрешенно подумал Джей.

Правая нога затекла. Он чуть повозился и сменил позу. Между четырьмя достаточно толстыми стволами было тесновато, зато в этой внутренней цитадели Джей чувствовал себя наиболее уверенно.

Первые сорок минут осады Джей, забравшись в самую середину малюсенькой роши, стрелял в акулу, а та изо всех пыталась пролезть через хлыстовник, бросалась на него с раз-

гона и даже кусала, сильно выворачивая набок безобразную голову. От такого напора Джею становилось не по себе. Ткань его «Сафари дистанта» держала пулю пятидесятого калибра, пущенную почти в упор. Только какой в этом смысл, если укусы жутких челюстей, без вариантов, превратит его в фарш, расфасованный в пуленепробиваемую упаковку. К счастью, деревья трещали, дрожали, но пока держались. Расстреляв вторую обойму боевых патронов и еще пол-обоймы капсул с транквилизатором, Джей опустил ружье. Акула тоже слегка подрастратила охотничий пыл. Теперь она медленно кружила вокруг неприступной рощицы, пытаясь отыскать лазейку.

Джейслав внимательно смотрел, как серые бока то исчезают, то появляются в просветах между латунными колоннами хлыстовника. Временами он пытался считать красные, сочащиеся кровью отметины на корпусе зверя, временами бока и оскаленная пасть исчезали, и Джей видел пурпурно-лиловую, совершенно обезьянью задницу. Эту задницу не брали ни пули сорок пятого калибра, ни сильнодействующий транквилизатор. Иногда акула приходила в особенное возбуждение, она резко меняла цвет, становясь похожей на громадную кучу мха, и, должно быть, от избытка чувств принималась топтать останки несчастного шерпа, забытого и брошенного на поляне. Корпус робота давно лопнул, а плоская голова, отлетевшая от туловища, тоскливо мигала аварийным сигналом. Раздавленная канистра лежала чуть поодаль на мокром мху, радостно впитывающем дармовую влагу.

А Джею оставалось только смотреть и ждать. От нечего делать в голову беспрестанной вереницей, наподобие мигрирующих муравьев, лезли дурацкие мысли. Самой популярной темой для нескончаемых размышлений было: как долго я смогу продержаться? Выходило, что довольно долго. Еды у Джея было дня на три, исключая поклажу раздавленного робота, а если растянуть, то на шесть или семь. С водой обстояло похуже, но тоже вполне терпимо. Поясная фляжка наполнена примерно наполовину. И в дистрибутивных емкостях комбинезона хранится грамм пятьсот собранной и отфильтрованной воды. А если надлежащим образом запрограммировать капиллярную подкладку, то при здешней влажности можно запросто насобирать в день грамм сто пятьдесят.

Второй по популярности темой были мысли об акуле. Джей размышлял о том, сколько эта тварь намерена здесь ошиваться. Быть может, получится ее как-то отвлечь, прогнать или даже убить. В голове сменялись самые невероятные проекты, один бредовее другого. Вся беда заключалась в том, что ничего по-настоящему действенного не придумывалось, а стрелять в серую громадину без нужды Джейслав больше не хотел. Он и так впустую растратил две трети своего боезапаса. Оставались еще баллистические капсулы транквилизатора, но Джей совершенно справедливо опасался, что они просто не пробивают толстую кожу, а следовательно, препарат не может попасть в кровь. Вот если прицелиться в отверстие пулевой раны... Джей оживлялся и начинал прикидывать, насколько точно он сможет выстрелить, но проклятая акула постоянно двигалась, и Джей начинал думать, что бы такого сделать, чтобы заставить ее постоять на месте. А может, дожидаться, пока она уснет, подойти поближе к крайним деревьям и сделать точный выстрел? Ведь не всегда же она бодрствует... А может, она отлучится на водопой?... В любом случае необходимо что-то предпринимать, ведь древесные стволы могут в конце концов и не выдержать планомерных атак животного размером с молодого слона.

Затем мысли Джея перебирались на Чака, и он начинал думать, что это, в сущности, даже неплохо, что щенок дал деру. Правильный тактический ход. Пока Джеслав Вагош чуть не на карачках удирал под сень хлыстовника, а потом, забившись между трех сосен, пережил атаки брызжущей слюной акулopodobной твари, его верный индрил чесал во все лопатки подальше от места печальных событий. С другой стороны, он, наверное, сообразил, что продуктов в заплечном мешке на двоих точно не хватит. Джей вздохнул. Нет. Все правильно,

все логично и, более того, обижаться на несмышленного щенка, по меньшей мере, глупо. И все же в глубине души скребли кошки.

Об Анне Джей старался не думать. Он знал, что если начнет думать про Анну, то на душе станет совсем уж пакостно. Тем более, что в воображении Анна непременно его спросит, куда подевался Чак, а он и толком-то ответить не сможет. А она скажет своим тихим, но твердым голосом:

– Как же так, Слава? (Славой его называли только бабушка в детстве, Анна и еще почему-то Ярич). Как ты мог не уследить за Чаком?..

А может быть, она ничего не скажет... Анна вообще редко кого-либо упрекает, зато умеет смотреть с таким выражением, что хочется провалиться под землю. Джей этого жутко не любит.

Чувствуя, как ощущение вины наваливается на грудь, будто перегрузка в стартующем скафе, и твердея лицом, он собирается объяснить про серую трехметровую акулу, но, вдруг сообразив совсем другое, говорит полусердито, полуиспуганно, с интонациями Фила Розенштайна:

– Какого дьявола? Тебе тут нельзя. Что ты, вообще, тут делаешь?..

Джей вздрогнул и проснулся. Что-то неуловимо изменилось. Акула была на месте, но лакомый кусочек, спрятавший свои мозговые косточки за частоколом неподатливых деревьев, ее больше не занимал. Вернее, занимал, но не так сильно.

Тварь стояла на выпрямленных морщинистых ногах почти в профиль к Джейу, нагнув свою массивную голову и слегка поводя ею из стороны в сторону. Почему-то Джей сразу почувствовал, что уверенности у акулы сильно поубавилось. Что за дела?

Опираясь спиной о древесный ствол, Джей выпрямился и увидел индри, взрослого матерого индри с густым мехом цвета свежерасколотого куска антрацита. Индри защелкал, ему сразу ответили.

Джей обернулся и увидел еще одного индри, на этот раз желтого, с зеленоватыми разводами на боках. Индри, пригнув к земле ушастую голову, медленно крался, приближаясь к акулоподобной твари. Третий индри, с нарядной белой оторочкой на ушах, появился из-за древесного ствола.

Джей до боли в пальцах сжал штуцер. Поляна наполнялась псовыми индри. Матерыми, крепкими, молчаливыми самцами. «О господи, – подумал Джей, – а им-то здесь что нужно?»

Акула открыла пасть и неуверенно зашипела, связываться со стаей индри ей явно не хотелось. Джей вдруг наполнился едким злорадством.

– Ну что, консерва, – прошептал он, не спуская глаз со страшной курносой головы, – похоже, чем-то недовольна?

Затем он вскинул ружье и прицелился. Джей вообще-то не собирался стрелять, поскольку даже предположить не мог, как прореагируют на выстрел индри. Но взлетевший вверх ствол окончательно вывел акулу из равновесия. Она присела на задние лапы и вновь оглушительно зашипела, на что индри разразились таким хором не то свиста, не то протяжного воя, что у Джейслава заложило уши.

Нервы акулы, если у нее имелись нервы, сдали окончательно. Зубастая махина резво развернулась и, неловко прихрамывая, побежала в селву.

Джей выдохнул и опустил штуцер. Он стоял между деревьями хлыстовника, а вокруг, напряженно вытянув пушистоухие темные морды, замерло три или четыре десятка диких индри. «Черт, – подумал Джей, обводя глазами агрессивно торчащие над метелками папоротника полосатые хвосты. – А откуда я, собственно, знаю, что они пришли меня защищать?» Пальцы опять стиснули приклад. Стараясь не делать резких движений, Джей повернул голову вправо и неожиданно встретился взглядом со светло-серыми, почти голубыми глазами антрацитового вожака.

Несколько секунд зверь внимательно глядел на человека, затем пронзительные глаза индри мигнули, и он, вильнув всем телом, растворился в зарослях, неслышный и элегантный. Остальная стая не замедлила последовать примеру вожака, так же бесшумно и стремительно-элегантно. Через пару секунд поляна опустела, словно никаких индри на ней не было и в помине.

Джей стоял между двух струн хлыстовника, прислушиваясь к далекому шороху крон и медленно переваривая случившееся. Что-то несильно ткнулось ему под колено. Уже зная почти наверняка, что увидит, Джей обернулся и увидел Чака. Щенок стоял, глядя на человека снизу вверх. Пгаза у него отчего-то были чуточку виноватые.

Джей выпустил штуцер и, опустившись на колени, двумя руками обнял молодого индри за пушистую голову.

– Какой же ты умница, – с чувством проговорил Вагош, прижимая нос Чака к своей груди. – Какой же ты невероятный умница.

Щенок осторожно упирался лапами и крутил головой, словно пытался с пацанячьей суровостью сказать: «Ну, будет тебе, партнер... Что за телячьи сантименты?»

«А ведь это настоящая сенсация, – подумал Джей, нежно взбивая светлую шерстку за ушами. – Ведь это, черт меня побери, сложно мотивированный и сложно организованный поведенческий акт... Но пока об этом никому рассказывать не стоит, разве что Анне».

Выпустив из ладоней щенячью голову, Джей поднялся с колен.

– Теперь нужно сваливать отсюда, да побыстрее, – сказал он Чаку, – а то, не дай бог, акула вернется и приведет десяток приятелей.

Щенок серьезно кивнул, и Джей даже усмехнулся, насколько осознанным вышел жест. «Спокойно, – постепенно трезвея, сказал он сам себе. – Ты же серьезный исследователь, ядрена вошь, по крайней мере пытаешься им стать. Не стоит так сразу вестись на подобные посылы, они могут обуславливаться чем угодно. Дельфины, уничтоженные в эпоху промышленного освоения океанов, тоже спасали людей, выталкивая их к берегу, хотя мотивация подобного поведения была позже признана рефлексорной».

Джей подобрал со мха выроненный штуцер, еще раз покосился на Чака, внимательно приоткрывшего пасть, и осмотрелся по сторонам, намечая новый маршрут.

* * *

Лишь спустя три часа, когда злополучная кружевница осталась далеко позади, Джей решил прервать свой спринтерский марш-бросок и сделать небольшую остановку.

Подходящее место отыскалось довольно скоро. Рюкзак полетел на упругий мох, сверху на него деликатно прилег ствол ружья, Джей удобно откинулся на широкое основание хрустальной секвойи, вытянул гудящие ноги и начал мысленную инвентаризацию оставшихся запасов: полфляжки воды и десяток пищевых концентратов «just eat». Вокруг раздавленного бедняги шерпа оставалась кой-какая еда, но Джей счел за лучшее поскорей убраться восвояси, и сублимат-рационы остались валяться по зарослям папоротника вместе со смятой и лопнувшей канистрой.

Про воду Вагош практически не беспокоился. Он знал не меньше десятка способов раздобыть в трикстеррианской сельве пригодную для питья воду, а фильтрующих таблеток в рюкзаке было аж три упаковки. С едой дела обстояли чуть хуже: пищевых брикетов хватало на три дня, при условии экономного расходования и перевода Чака на подножные корма. За три дня Джей вполне мог добраться до Соммерса, но вопрос с Зиминим и Грочеком оставался открытым, и если поиски потребуют какого-то времени... Не то чтобы переход на трикстеррианский рацион особенно пугал Джея. Ему уже случалось есть некоторые местные фрукты, грибы и даже мясо, хотя делать это без фермент-адапторов очень рискованно и

главное запрещено всеми параграфами межпланетного устава. Конечно, у Джея в потайном кармашке имелась заначка из пяти таблеток, подпольно изготовленных в Соммерсе местным Флемингом от биохимии, но это уже на самый крайний случай. Хорошо бы подстрелить антилопу-бонго. Правильно приготовленная бонго прекрасно усваивается безо всяких таблеток...

Чак, переступая лапами через вытянутые ноги в оранжевых штанинах, обнюхал живот и грудь своего спутника. Пробежка по лесу совершенно не утомила индрию, но, похоже, он понимал, что человеку необходимо отдохнуть.

– То-то, брат, – сказал Джей серьезно и назидательно, – со жратвой у нас не густо, а шарить по сельве не день и не два, поэтому придется затянуть пояса.

Щенок с озабоченным видом перепрыгнул через ноги Джея, обнюхал мох и бодро поскакал в сторону недалеких зарослей. Наверное, внял словам человека и отправился искать пропитание.

Джейслав покосился ему вслед, вздохнул, отвинтил крышку фляги и сделал экономный глоток, затем снял с пояса син-син и принялся один за другим терпеливо проверять диапазоны. Связи по-прежнему не было. Повозившись какое-то время, Джей пристегнул син-син на место и, запрокинув голову, стал смотреть вверх. Приближалось время скоротечных тропических сумерек. В воздухе медленно плыли розовые пушинки, опадающие с высоких крон хлыстовника, преддверие больших семяпадов, когда воздух станет пестрым от обилия цветного пуха, а фильтры в носу превратятся в насущную необходимость.

Джей порылся в кармане рюкзака и вытащил коробочку с тонизатором. Пара желто-латунных стволов, росших неподалеку, упорно наводила его на мысли о висящем гамаке. Если расставить маленький охранный периметр, то можно провести полноценную ночь... Чертовски заманчиво. На секунду Джей заколебался. Рука, уже сжимавшая упаковку препарата, замерла. Нет. Слишком много времени сегодня потеряно в акульей осаде. Отдохнем позже...

Две таблетки выкатились на ладонь. Джей закинул их в рот и запил из фляжки. Несколько секунд он сидел неподвижно, чувствуя, как голова наполняется энергичными мыслями, и сразу зверски захотелось есть. Вот же зараза. Как говорила бабушка: «Любишь кататься, люби и саночки возить». Любишь ночные марши, имей пяток лишних концентратов. Джей проглотил слюну. «Придется съесть половину брикета», – подумал он с сожалением. Пальцы его потянулись к лежащему рюкзаку и замерли на полдороги. Из кустов появился темно-серый в наступающих сумерках силуэт индрии. Гордой рысью щенок пересек поляну и остановился рядом с Джейем. Чак сжимал в зубах большую гроздь земляных грибов, в шутку называемых подсеквоейниками, пять или шесть длинных грязно-коричневых морковок в кожуре, которая снимается как перчатка, обнажая беззащитную, почти безвкусную, но зато вполне съедобную белую мякоть. Индрия нагнулся, положил перед ошарашенным человеком свою добычу и, облизнувшись, отступил в сторону.

Глава 7

Антилопа-бонго стояла посреди побегов красного багульника, кустистыми стеблями пробивавшего моховую подстилку. В раскладной голографический прицел Джей отчетливо видел красноватые разводы трех разных оттенков на боках и крупе изящного животного. Джей знал, что Чак должен зайти со стороны неглубокого ручья, что ветер дует самым выгодным образом, относя прочь все запахи. Еще Джей знал, что они с Чаком проделывали такую штуку сто раз: Джеслав Вагош, меняя расцветку своего комбинезона на один из камуфляжных вариантов, садился в засаду где-нибудь в укромном месте, а индрии выгонял на него добычу. Бах! И нужный для лабораторных исследований зверек валится, сраженный умной капсулой транквилизатора. Отработанный вариант... Вот только Чак сегодня что-то не торопился.

Антилопа переступила тонкими ногами, подбираясь к особенно сочной метелке красных стеблей. Джей глубоко вдохнул и прицелился. Далековато, хотя попытать удачу все же стоит. Он совершенно не видел Чака, но был более чем уверен, что щенок достаточно умен, чтобы не вылезать на директрису выстрела, кроме того, транки на индрии не действуют или почти не действуют.

Антилопа сделала еще шаг, нагибаясь за вкусными стеблями. Марка визора качнулась, фиксируя нежно-пурпурный полосатый бок. Джей задержал дыхание, нежно трогая пальцем изгиб спускового крючка, но выстрелить не успел. Бонго с путающей стремительностью вдруг рванула вперед. Джей на миг потерял ее из сектора, а когда вновь увидел в голографическом прицеле, антилопа была уже не совсем антилопой. Утонув мордой и передней частью туловища в травянистых зарослях, она азартно крутила длинной, но крепкой шеей. Ее передние лапы заметно укоротились, а бока, утратившие изящность и теряющие былую окраску, топорщились хищными серо-желтыми пятнистыми перьями.

Джей негромко выругался и опустил ружье. Перистый оцелот Хальвена, как есть оцелот. Ловкая и опасная надувала. Вот почему Чак не спешил гнать его на Джея. Во-первых, мясо оцелота никуда не годится, а во-вторых, оцелот Хальвена достаточно опасный зверь и щенку индрии может навалить за милую душу.

Лжеантилопа выпрямилась, изо рта у нее свисала безвольная тушка леопардового кролика, короткие рожки разворачивались, превращаясь в крупные заостренные уши. Теперь в пятнистом существе с измазанной пастью вообще не было ничего от мирной антилопы. Джей даже крикнул от досады.

Он выпрямился во весь рост. Фальшивая антилопа тут же вытянула шею, моментально сворачивая уши в рога, затем, не выпуская из пасти добычи, резво нырнула в кусты. Не успели сомкнуться ветки, как на маленькую поляну выбежал Чак, понюхал следы и затрусил в сторону Вагоша.

Джей сложил прицел и повесил штуцер на шею. Пищевых концентратов почти не осталось, и вопрос о хлебе насущном начинал доминировать. За вчерашний и позавчерашний день Вагош ощутимо отклонился на северо-восток, невольно удлиняя свой путь к Сомерсу. Не то чтобы Джей видел явные и неоспоримые свидетельства того, что Зимин и Грочек прошли этой дорогой, но все же кое-какие следы имелись. Сначала это были царапины, несколько приметных борозд на твердых стволах хлыстовника. Царапины сами по себе еще ничего не доказывали, мало ли от чего появляются царапины. Быть может, крупная шабути чесала края спинного панциря. Для гризли отметины располагались слишком низко, а вот зубастая росомаха вполне могла метить границы своих владений. С таким же успехом царапины мог оставить и борт мотокара, случайно зацепивший дерево, благо тянулись они на вполне подходящей высоте.

Поиск следов протектора ничего не дал, но Джей не опустил до гаданий по кофейной гуще, он просто забрал вправо и стал еще внимательнее глядеть по сторонам. Результат не заставил себя ждать: половинка пищевого брикета, засиженная пауками падальщиками. Джей, присев на корточки, внимательно рассмотрел обломок. Правильнее было бы сказать «огрызок», поскольку брикет был перекушен, и, самое странное, перекушен вместе с упаковкой. Именно оттого, что прессованный завтрак не был открыт как положено, цветная упаковка не самоутилизировалась в течение трех часов, а весело блестела глянцевым боком среди плюшевых кораллов малахитовика. Хмурясь, Джей перевернул брикет концом ножа. Логично было бы предположить, что разовый завтрак потеряли, а потом какая-нибудь трикстеррианская симуляка попробовала его на вкус. Впрочем, следы от зубов слишком походили на человеческие. Абсурд... Джей даже представить себе не мог: кому в здравом уме и твердой памяти придет в голову есть брикет прямо в обертке. В голове невольно всплыла нашумевшая история двадцатилетней давности, когда террористическая группа с позабытым названием распылила в торговом комплексе психотропное вещество, и слетевшие с катушек люди жрали продукты прямо в упаковках. Хотя зачем террористам распылать галлюциногены посреди трикстеррианской сельвы?

Немного помозговав над проблемой и не придя ни к какому выводу, Джей поместил мысли о находке в мозговой раздел, именуемый «загадки плюс смутные предположения», и поторопился продолжить прерванный путь.

Немного позже Джей еще дважды видел поцарапанные деревья, а вчера обнаружил фляжку. Изящную плоскую фляжку с никелированным корпусом и гравировкой на доньшке: «G» и «S». Потерять такую фляжку, по-любому, затруднительно, она комплектовалась вытяжным карабином со струной. Получалось, что фляжку попросту выбросили.

Джей встряхнул находку. Во фляжке слабо плеснуло. Судя по запаху, спиртное, не иначе как продукция господина Вайбурга. Джей завинтил крышку и сунул блестящую безделицу в карман. Теперь она болталась в районе бедра, беспрестанно напоминая о своем присутствии: «Эй! Я здесь. Я никуда не делась».

В том, что Джейслав, возможно, нашел следы пропавших людей, не было его особенной заслуги, и ловкость опытного проводника была тоже почти ни при чем. От всячего моста на ущелье Кролика до купола Соммерса вело несколько удобных маршрутов, пролегавших через цепочки крупных кружевниц. Из-за упавших и выросших деревьев общий контур сельвы постоянно меняется, но линии маршрутов остаются в достаточной степени неизменными. Вот и все.

Просто Джею немного повезло, и теперь, по своей дурной натуре, он уже не мог оставить начатого дела. Где-то на автономной биостанции его беременная жена в одиночестве ожидает скорых родов, а он вынужден шарить по закоулкам треклятой сельвы в поисках почти незнакомых ему людей и не может послать это занятие к чертовой матери.

Джей вздохнул и негромко свистнул сквозь зубы. Не очень похоже на свист индри, но Чак не имел ничего против собачьего способа общения. Он живо бросил занимавшее его исследование кустов и с удовольствием поскакал за партнером.

* * *

Тропа — Джей называл ее тропой, хотя лабиринт из чередующихся полей и плотных скоплений деревьев мало походил на дорогу, — по широкой дуге вела человека и индри на северо-восток. Человека такое положение дел в целом устраивало, поскольку хотя бы опосредованно, но все же приближало к конечной цели своего пути. Индри же было неважно, куда бежать, достаточно того, что большой двуногий Джей шел рядом. Чак, конечно, предпочел бы оказаться дома, на биостанции, где мама Анна, где его мягкая уютная корзинка,

хотя, если Джею нужно идти на северо-восток, то и Чак с радостью составит ему компанию, особенно на сытый желудок.

Мысли в голове щенка удобно делились на стратегические и тактические, и мысли тактические в основном означали охоту. Чак хорошо понимал, что лучше всего им поймать маленькую рогатую антилопу, он чувствовал, что Джей хочет именно антилопу, еще он ощущал две вещи, что антилопы где-то поблизости и что поблизости же есть еще некто посторонний, которому одновременно есть дело до антилоп и нету до антилоп никакого дела. Это путало и настораживало.

– Стой, – сказал Джейслав.

Он сделал несколько шагов к краю маленькой поляны и присел, рассматривая что-то во мху. Чак нетерпеливо переступил лапами.

– Тихо, – негромко проговорил Джей. – Видишь, помет... Совсем свежий... Значит, бонго где-то рядом.

Он оглянулся на Чака и отчетливо прочел на его темной мордочке выражение недоумения и даже некоторого упрека. Дескать, чего рассматривать какашки, когда и так все ясно. Джей упруго поднялся и огляделся, намечая маршрут.

– Туда, – сказал он, отдувая от лица пух, и зашагал в ту сторону, где растительность щербатилась частыми просветами.

* * *

На большой и старой поляне разлеглась большая и старая манта. Джей, остановившись на краю свободного пространства, отчетливо различал краешки ее крыльев, распластанных по моховому ковру. Он подумал, что, наверное, манта от старости впала в маразм, если уж замаскировалась так топорно. Чак тоже заметил охотящуюся манту, но демонстративно не обращал на нее никакого внимания, изо всех сил показывая партнеру, что сейчас его занимает нечто происходящее за редкой купой стройных желтых стволов. Джей раскрыл прицел штуцера и дал увеличение. Так и есть, бонго! Не меньше десятка.

Антилопы паслись метрах в двухстах от поляны с мантой, почти невидимые за стволами хлыстовника.

– Гони, – негромко сказал Джей, нагибаясь в сторону индри.

Вагош имел очень приблизительные понятия о загонной охоте и о командах, которые подают собакам, а Чак и вовсе не был собакой, но постепенно человек и индри выработали некую систему взаимных знаков, которую понимали и принимали оба. «Гони», – сказал Джей, и это означало, что Чак должен обойти стадо с подветра, а потом выскочить, как чертик из коробки, и погнать антилоп на притаившегося в засаде охотника.

Лет семь назад, еще будучи полевым исследователем, Джей пытался изучать охотничью стратегию индри. Ему мало что удалось собрать, но позже, познакомившись с Чаком, он не раз задумывался о том, что щенок так быстро и творчески освоил загонную схему именно потому, что нечто подобное практиковалось в охотничьих группах индри.

Чак, улыбнувшись веселой пастью, послушно растворился в ярком мареве багульника, а Вагош, стараясь производить как можно меньше шума, отправился в обход поляны. Он выбрал место, притаился и стал ждать.

Многие люди страшно не любят ожидания, Джей тоже не любил, но умел ждать. Сейчас, стоя коленом на упругом мху, чувствуя плечом приклад штуцера, а пальцем плавный изгиб спускового крючка, Джейслав даже ловил некоторую прелесть ожидания, «рила мэджу», как сказали бы ребята Ярича.

В визоре прицела Джей видел, как антилопы медленно переходят с места на место, то появляясь, то исчезая за стволами деревьев. Вот одна из них, скорее всего доминирую-

щая самка, настороженно вскинула голову. В следующий миг все стадо сорвалось с места. Высоко вскидывая крупы и огибая край поляны, небольшие животные мчались прямо на невидимого охотника. Джей сощурился, выбирая добычу.

Молодая антилопа с розовой, в цвет багульника, спиной, мчавшаяся по левому флангу удирающего стада, показалась ему самой подходящей добычей. Ствол штуцера чуть поднялся, фиксируя перекрестие марки на скачущей белоснежной груди. На долю секунды Джей скользнул глазами поверх пурпурной спины, убеждаясь, что Чака нет на линии огня, и реальность внезапно раздвоилась.

Полусотней шагов позади бегущей антилопы, прямо на мху сидел в позе лотоса белокожий, абсолютно голый человек.

Джей дернул штуцер и невольно нажал на спуск. Хлопок выстрела врезал по ушам. Все стадо резко рвануло вправо, а антилопа, в которую стрелял Джей, заложив безумный крюк, кинулась в другую сторону, прямо через поляну, через край камуфлированного крыла старой манти. Забыв про бегущую бонго, Джей ошалело шарил визором голоприцела по окрестностям кружевницы.

Голый человек исчез, будто сквозь землю провалился или испарился. Не веря своим глазам, Джей, поднявшись на ноги, напряженно смотрел в визор. Из кустов появился Чак с вываленным на сторону розовым языком. Индри остановился, вопросительно глядя на партнера по охоте.

– Вот зараза, – пробормотал Джей, медленно ведя прицелом. – Мне только галлюцинаций не хватало.

Щенок укоризненно зевнул. Он слышал выстрел и не понимал, почему антилопа не свалилась на бок. Охотничьи инстинкты звали его немедленно кинуться в погоню, но друг и вожак, как ни странно, стоял на месте.

– Ерунда какая-то, – словно извиняясь, проговорил Джей.

Закинув ружье на плечо, он быстро зашагал в ту сторону, где должен был находиться белокожий мираж. Чак, сердясь и недоумевая, потащился следом.

– Здесь, – сказал Джей, останавливаясь и озираясь кругом. – Готов поклясться, что он сидел именно здесь.

Чем больше он думал, тем больше ему казалось, будто человек был похож на Женю Зимина. Наваждение...

– Ты тоже ничего не чувствуешь? – Джей обернулся к Чаку.

Если бы индри умел, он несомненно помотал бы головой или даже покрутил когтистым пальцем у головы. «Может, почудилось? – неуверенно подумал Джей. – Внезапный приступ нарколепсии? Быстрые галлюцинации? Пыльца в воздухе? А может, боевой психотропный газ? Какой-то невероятный абсурд».

Внешний сканер на штатном син-сине рядового зрителя биостанции примитивен до предела, он способен определить десяток заложенных в программу химических комбинаций, но не более того. Все же Джей снял син-син с ремня и покрутил его в пальцах. В раздел «Загадки плюс смутные предположения» добавлялась новая тщательно запакованная коробочка с тревожным содержанием, о котором, пожалуй, не стоит говорить с купольскими докторами.

– Гляди-ка, – вдруг сказал Джей, оборачиваясь к Чаку и тыча пальцем в экран интеллектуального навигатора, – а я ее все-таки подстрелил...

* * *

Красная неровная линия бежала над экраном син-сина. Линия походила на толстого дождевого червя, неустанно ползущего вперед. В круглой голове схематичного *Lumbricus*

terrestris находилась подстреленная бонго. Для пущего удобства путь преследователей отображался тонкой линией ярко-лимонного цвета. Казалось, худой желтый червяк гонится за толстым красным, временами наползая ему на бесконечный хвост.

Джей вслед за Чаком перепрыгнул через поваленный ствол и размеренно побежал дальше. Индрии неслись чуть впереди. Он наверняка чуял запах пробежавшей здесь бонго, но все же время от времени слегка притормаживал, поджидая человека. Это и умиляло, и почему-то злило Джея. Наверное, оттого, что будь щенок диким, он неслись бы по кровавому следу раненой добычи, не думая ни о страхе, ни об усталости, ни уж тем более о каких-то нерасторопных партнерах. «Мы очеловечиваем все, чего касаемся, – с ужасом подумал Джей между гулками ударами сердца, – и никакие кровавые следы здесь уже не помогут».

Насчет кровавых следов он, конечно, погибал. Никаких следов не было. Джей стрелял в антилопу капсулой с транквилизатором. Стоя сбоку от старой кружевницы и рассматривая в рамочный визор место, где секунду назад сидел голый человек, Джей был уверен, что промазал, но син-син утверждал обратное. Баллистическая капсула, попадая в животное, не только впрыскивает в поры его кожи дозу октодоксина, но и маркирует место попадания ярким пятном, выделяющим сильный химический запах. Это предусмотрено на тот случай, если стрелок сделает неудачный выстрел и зверь не уснет сразу. Сканер син-сина регистрирует запах и ведет охотника прямо к отрубившейся в кустах добыче. Очень удобно, не считая того, что при любом раскладе бонго бежит уже почти четверть часа, теряет силы, но продолжает уходить все дальше на север. Четверть часа – это слишком даже для самой малой дозы транка, попавшего в кровь. Можно предположить, что капсула вообще дала осечку, но о таких прецедентах Джей никогда не слышал, и ему ничего не оставалось, как размеренной рысью трусить вслед за подбитой антилопой, пока сканер фиксирует запах маркера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.